

В.С. Корякин

ДВЕ ОСАДЫ МАЛЬТЫ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека

Владислав Корякин

Две осады Мальты

«ВЕЧЕ»

2016

Корякин В. С.

Две осады Мальты / В. С. Корякин — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Военно-историческая библиотека)

ISBN 978-5-4444-8584-2

Знак информационной продукции 12+ За свою историю Мальта пережила две тяжелейшие осады, повлекшие многочисленные людские потери и колоссальные разрушения на острове. Первая осада, названная Великой, длилась с май по сентябрь 1556 года. Остров штурмовал флот Османской империи, а защищали его рыцари-госпитальеры, в то время единственные хозяева Мальты. Вторая осада (точнее, оборона), длившаяся три года (1940–1943), с полным правом названа в истории Второй мировой войны одной из самых сложных и важных операций союзников на Средиземноморском театре военных действий. Новая книга серии откроет читателю немало интересных деталей и исторических обстоятельств двух знаменитых осад Мальты.

ISBN 978-5-4444-8584-2

© Корякин В. С., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Вместо предисловия. Почему именно Мальта?	6
Часть I. Первая осада Мальты. 1565 год	7
Глава 1. Как госпитальеры превратились в Мальтийских рыцарей	7
Глава 2. Корабли и люди	12
Глава 3. Враг у ворот	17
Глава 4. Сражение за форт Святого Эльма. Гибель Драгута	24
Глава 5. Когда оставшиеся в живых позавидовали участи павших	29
Глава 6. Непроступная Мальта	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владислав Корякин

Две осады Мальты

© Корякин В. С., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Вместо предисловия. Почему именно Мальта?

Первая причина – возникает вопрос (как предупреждение на будущее): почему военные события нередко повторяются в одном и том же месте, порой через столетия?

Действительно, можно найти множество примеров в военно-морской истории, когда подобная повторяемость достаточно очевидна, из-за территориальной близости противников. Логично, что Швеция и петровская Россия не могли иначе выяснять свои отношения, как в акватории Балтийского моря, точно так же, как решающие битвы нескольких англо-голландских войн XVII века должны были происходить в пределах разделяющего их Северного моря. Это подтверждают книги «Морской летописи» издательства «Вече» «Захватить Англию» и «Схватка двух львов» Э. Сазаева и Сергея Махова и ряд других. Когда дело касается двух или нескольких государств, объяснение, что называется, лежит на поверхности. Сложнее, когда речь идет о конфликте на море целых коалиций, как это было в событиях, последовавших за Французской революцией 1789 года или в обеих мировых войнах – 1914–1918 и 1939–1945 годов, например, в безуспешных попытках англичан в Дарданеллах в безуспешных попытках пробиться навстречу российскому флоту в 1807 и 1916 годах. Таким образом, возможность военно-морского столкновения в одних и тех же географических пунктах на примерах различных конфликтов прослеживается неоднократно и носит конкретный характер в зависимости от складывающейся обстановки, и в целом ряде случаев ее можно предвидеть.

В случае с Мальтой просто в силу ее положения на важнейших коммуникациях противоборствующих сторон наблюдается совсем иная ситуация, даже когда сами противоборствующие стороны меняются самым удивительным образом. Действительно первая осада Мальты в 1565 году ни в какой степени не получила повторения в 1940–1943 годах, в годы Второй мировой войны. Даже в наши дни Средиземноморье вместе с Мальтой остается своеобразным культурным, экономическим и политическим разделом трех материков и целого ряда политических систем, что отчетливо проявляется на страницах прессы и медиасредств, порой в таком напряжении, которое невольно заставляет обращаться к событиям прошлого.

Вторая причина интереса к военным событиям на Мальте заключается в том, что они наглядно позволяют проследить эволюцию как самих флотов и самих кораблей, а также тактики и стратегии ведения войны на море одновременно с появлением новых технических средств. Ведь на протяжении четырех столетий флот эволюционировал от ручного весла до использования подводных лодок и морской авиации с внедрением радиолокации и гидролокации, не говоря о таких новинках, как появление новых высадочных средств в десантных операциях.

Наконец, при разборе военных операций на Мальте возникает еще одна историческая проблема: почему события на острове в 1798–1800 годах не вылились еще в одну осаду при участии целого созвездия ярких исторических личностей, начиная от генерала Бонапарта и кончая пресловутой леди Гамильтон? Наконец, каким образом наша страна оказалась причастной к этим событиям?

Автор попытался дать ответы на эти вопросы, выходящие далеко за пределы крошечного архипелага, ныне прибежища туристов из многих стран мира, мирно наслаждающихся всеми благами природы Средиземноморья, вдали от военных бурь и политических потрясений. Хотя еще не однажды Мальта непосредственно участвовала в мировых событиях. Это само по себе показательно и требует объяснения на страницах исторического исследования, ибо, как известно, история повторяется, порой самым непредвиденным образом.

Часть I. Первая осада Мальты. 1565 год

Глава 1. Как госпитальеры превратились в Мальтийских рыцарей

Истоки событий на крохотном средиземноморском архипелаге, по мнению западных историков, берут начало от создания ордена рыцарей-госпитальеров в разгар Крестовых походов в 1070 году, первоначально призванного лечить и защищать паломников к святым местам Палестины, еще не зачищенной от магометан, то есть практически на непокоренной враждебной территории. В 1113 году столь благое начинание римский папа принял под свое высокое покровительство в качестве ордена госпитальеров с присвоением эмблемы в виде восьмиконечного красного креста, символизировавшего восемь заповедей блаженства из Нагорной проповеди Христа и одновременно восемь капитулов ордена: немецкий, испанский, французский, итальянский, британский, кастильский, прованский и овернский. Четыре сектора креста в свою очередь отражали силу духа рыцарей ордена, справедливость их помыслов, стремление к воздержанию, и, что важно, стойкость в жизненных испытаниях (особенно военных), которых на их долю выпало немало. Поскольку покровителем ордена считался святой Иоанн Креститель, в историю бывшие госпитальеры вошли также как иоанниты.

Во главе ордена стоял магистр, избиравшийся пожизненно, каждый из его рыцарей, также пожизненно, давал три обета: бедности, целомудрия и послушания, следуя им, разумеется, по мере сил и возможностей, со временем восполняя недостаток означенных достоинств покупкой индульгенций, в основном за счет добычи разбоем на морских путях, разумеется, с Божьей помощью. После изгнания крестоносцев с большей части Ближнего Востока госпитальеры (они же иоанниты) последовательно осели в Сирии (в 1187 году), спустя почти сто лет на Кипре (1291) и, наконец, на Родосе (1308), где их судьба в условиях своеобразного исторического военно-политического вакуума складывалась, с одной стороны, одинаково (при продолжительном равновесии сил сторон), но с другой стороны – по-разному, поскольку в конце концов мусульмане, вытеснив орден на запад, однако не уничтожили его, за что позднее жестоко поплатились.

Дольше всего рыцари ордена задержались на Родосе, в надежде на возвращение в Палестину. При них остров превратился в настоящую крепость, а сами они все больше становились самостоятельной военной силой, противостоящей как Византии, так и набравшим силу туркам-османам. По мере того как крестоносцы теряли позиции в Леванте, Родос все больше становился перевалочной базой для европейской торговли с Египтом и Сирией, где рыцари обзавелись собственным небольшим флотом из галер для прибрежного плавания, которые одновременно с охраной (за соответствующую плату) собственных купцов попутно занимались откровенным пиратством при встречах с судами мусульман, для чего орден выдавал специальные лицензии. Неудивительно, что в это время возник образ такого пенителя морей, у которого понятия справедливости и совести постепенно заменились понятием добыча, запечатленный и в прозе, и в поэзии, прежде чем занять достойное место на страницах истории:

Был он поистине прекрасный малый
И грузов ценных захватил немало.
Лишь попадись ему купец в пути,

Так из Бордо вина не довести.
Он с совестью своею был сговорчив,
И праведника из себя не корча,
Всех пленников, едва кончался бой,
Вмиг по доске спровоживал домой.
Уже весной он был покрыт загаром.
Он брался торговать любым товаром.
И, в ремесле своем большой мастак,
Знал все течения и любой маяк,
Мог различить и отмель, и утес.
Еще ни разу с курса не отнес
Отлив его: он твердо в гавань правил
И лоцию сам для себя составил.

(Чосер)

Так сформировался своеобразный тип моряка, одновременно знающий и смелый, то ли купец, то ли вояка без принципов и морали, заинтересованный лишь в выгоде, готовый ради нее на все что угодно, и от которого можно было ожидать также всего чего угодно. Таким людям в благодатных водах Средиземноморья, которое на исходе Средневековья оказалось зоной военно-политического вакуума и одновременно противостояния государств и культур Востока и Запада, было настоящее раздолье. Государственная власть могла их использовать лишь в определенной степени для защиты своих интересов, и одновременно они могли ей создать немало забот. Таких примеров в истории множество. На некоторых мы можем остановиться лишь на самых показательных.

Под давлением Османской Порты после длительной и упорной осады 1522–1523 годов рыцари ордена были вынуждены покинуть Родос на довольно сносных условиях, благодаря знаменитому правителю турок-османов султану Сулейману Великолепному, как его звали в христианских странах Запада. На Востоке он был известен как законодатель, несомненно один из самых успешных правителей своего времени, владевший четырьмя языками, талантливый полководец, проводивший успешную агрессивную политику, но в случае с госпитальерами не вполне предвидевший последствия своих решений.

Действительно, подобная публика с хорошим военным опытом и знанием не только театра военных действий, но и особенностей потенциального противника, в условиях Средиземноморья начала XVI века не могла оставаться без дела. Неудивительно, что в сложившейся обстановке император Священной Римской империи Карл V (одновременно он же испанский король Карлос I), который с переменным успехом вел многолетнюю войну с мусульманами в водах Средиземного моря, выделил в 1530 году рыцарям-иоаннитам от своей щедрости крохотный архипелаг Мальту, площадью всего-то 316 квадратных километров в одном из наиболее узких мест Средиземноморья между Африкой и Сицилией (которая, как известно, относится к Европе), чем, выражаясь современным языком, создал очередную горячую точку.

Решение Карла V в обстановке того времени не было ни самым удачным, ни исключительно мудрым, скорее сугубо прагматичным с военной и политической точки зрения. Так бывшие госпитальеры, они же иоанниты, превратились в мальтийских рыцарей, отнюдь не утратив особенностей своего характера, включая повышенную стойкость и такую же агрессивность, делавших их отменными вояками, даже если их поведение в целом ряде случаев не отвечает нормам воинской и гражданской морали нашего времени.

Новые владения ордена не располагали ни к торговле, ни тем более к земледелию, к чему орденская знать отнюдь не стремилась. Вскоре орден во славу Божию вернулся к

прежнему привычному разбою на морских путях, не всегда отличая поганных мусульман от благочестивых католиков, тем более, что временные союзы между теми и другими нередко заключались в зависимости от политической или торговой конъюнктуры, нередко вопреки религиозным догматам. В такой обстановке было где развернуться рыцарям удачи с обеих сторон. Дело оставалось за пополнением, неважно, с Запада или Востока!

По мнению последователей Магомета, история в случае с Мальтой обошлась настолько несправедливо, что требовало, естественно, волей всемогущего Аллаха, то ли отмищения, то ли исправления военным путем, по принципу «здесь и сейчас», что относилось к любому христианину (сходным образом поступали и христиане по отношению к своим оппонентам-мусульманам). Если на Мальту потомки крестоносцев пришли с Востока в 1530 году, то пополнение пиратского сословия Алжира и Марокко произошло с Запада почти одновременно.

Как известно, испанская Реконкиста на исходе XV века на Пиренейском полуострове, еще в царствование Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, завершилась изгнанием мавров. При этом мусульманские единоверцы в Северной Африке совсем не были готовы поделиться своим скромным достатком с беженцами из-за Гибралтарского пролива, и те вскоре превратились в своеобразный сброд без роду и племени, готовый на всё, чтобы не умереть с голоду. Самый простой путь вел этих людей на пополнение любых вооруженных шаек, что на суше, что на море, в условиях своеобразного опять-таки военно-политического вакуума, когда позднее подданные короля Испании Карлоса I (он же волею Божьей Карл V, император Священной Римской империи) быстро ликвидировать пиратские базы на севере африканского побережья так и не смогли, а местные пираты (те же арабы, кабилы и берберы вкупе с беженцами-маврами) не могли продержаться без помощи единоверцев-турок, которым и так хватало своих забот с покоренным христианским населением на Балканах.

На этом общем пестром средиземноморском фоне скромный архипелаг Мальты оказался в своеобразном силовом поле влияния католических государств Запада (прежде всего Испании) и магометан Востока (особенно Турции, поддерживавшей алжирских пиратов). Мальта располагалась между ними ровно на полпути, оказавшись в роли своеобразной болезненной военно-политической занозы, с существованием которой ни та, ни другая сторона не могла примириться.

Вытеснив мавров с Пиренеев, подданные Фердинанда и Изабеллы уже в 1505–1510 годах попытались обуздать чрезмерную активность мусульман северного побережья Африки на море: все тех же арабов, кабилов вместе с берберами и беженцами-маврами, которые питали силы местных пиратов под водительством братьев Аруджа и Хадрейдина по кличке Барбаросса (по цвету бород – рыжебородых), поддержанных стоявшей за их спиной Оттоманской Портой. Старший из братьев, Арудж, в 1518 году погиб, а в Алжире остался правителем его младший брат Хадрейдин, заручившийся для сохранения своей власти поддержкой турок в лице султана Сулеймана I Великолепного, которому оказал значительную помощь еще при завоевании Родоса. С помощью турок Хадрейдин выгнал испанцев из Алжира в 1525 году, а в 1533 году стал капудан-пашой, командующим турецким флотом. Доверие султана Сулеймана он заслужил набегами на запад Средиземного моря, где проходила его дальнейшая разбойная деятельность с базированием на Тулон (Франция). Как флотоводец, младший из Рыжебородых превратил в кошмар жизнь обитателей прибрежной полосы Италии, Испании и самой Франции своими повторяющимися набегами с воинством под эмблемой полумесяца. Как дипломат, расставаясь с гостеприимным Тулоном, он получил с Франциска I 800 тысяч экю (вместо собственной оплаты за пользование союзной военно-морской базой!) – такое дано не каждому, – не считая трехсот освобожденных пленных магометан, бывших галерных гребцов.

Тем временем сражения у африканского побережья проходили для обеих сторон с переменным успехом. Завоеванный Хайреддином в 1534 году Тунис год спустя был отбит испанским флотом под командой генуэзца Андреа Дориа, причем сам бывший пират едва избежал плена и гибели, тем не менее добравшись до Алжира, откуда он вернулся снова в Турцию. В отличие от старшего брата, Барбаросса-старший умер своей смертью в 1546 году. Определенно турецкий султан не зря возвел бывшего пирата в высокую должность главнокомандующего флотом. При сложившемся раскладе сил столкновение в районе Мальты становилось вопросом времени и конкретных причин.

Несколько слов о самом предмете спора ведущих сил Средиземноморья. Небольшой архипелаг, площадью всего 316 квадратных километров, представлял остатки некогда гораздо более обширного известнякового плато, где не было заметных возвышенностей, с редкими озерами и реками. Позднейший источник описывает ее ландшафт следующим образом: «Мальта... представляет унылый вид. Поля ее, постепенно поднимающиеся в направлении к югу... усеяны серыми камнями, а растения покрыты тонкою пылью; деревни с ярко-белыми от солнца стенами походят на каменоломни. Не видно никаких деревьев, кроме апельсиновых садов... но эти фруктовые сады редкие оазисы. Постоянно текущей воды нет. Земля как будто сожжена... Мальтийские крестьяне, малорослые, суровые, сухие мускулистые люди отличаются в обработке земли удивительным трудолюбием и искусством, они взрыхляют землю до самых каменистых склонов, и где нет растительной почвы, там они готовят ее искусственно, перетирая камень; они выпрашивают ее даже у сицилийцев, и каждый корабль обязан был прежде привезти в виде балласта некоторое количество земли. Они с величайшей заботой ухаживают за этой драгоценной землицей и на склонах скал строят стены, чтобы ветер и дождь не уносил ее. Несмотря на этот чудовищный труд, земледельцы... собирают так мало продуктов, что их едва хватает на пять месяцев» (Реклю. С. 560). Аборигены острова говорили на диалекте арабского языка, Бога они называли «алла», но, как отмечают ведущие историки, в Средиземноморье не было людей, более укоренившихся в католицизме.

Существовавшие здесь прежде леса давно были вырублены аборигенами и, разумеется, не могли играть какой-либо роли в судостроении. То, что осталось – это жалкие островки в виде небольших парков и искусственных посадок вдоль дорог: рожковое дерево, сосна, фикусы, тамариск и многочисленные цитрусовые, – не могло пригодиться моряку. Зато изрезанное побережье создавало многочисленные удобные бухты для стоянок судов, хотя главным достоинством архипелага оказалось его положение на перекрестках морских путей и одновременно узла европейско-мусульманских противоречий.

Что касается самой географии событий осады 1565 года на самой Мальте, то они происходили на весьма ограниченном пространстве полуострова Шибerras, шириной до километра у основания между бухтами Марсашлокк и Гранд-Харбор, которые все вместе ориентированы на северо-восток. На севере полуостров Шибerras оканчивается обрывистым мысом Святого Эльма. Ширина указанных бухт также невелика (в пределах до полукилометра), что в сочетании с обрывистыми крутыми берегами делает их укрытыми от ветров и пригодными для стоянки судов любых типов и размеров. После первой осады Мальты 1565 года территория полуострова стала местом городской застройки столицы архипелага под названием Валетта, причины появления этого топонима читателю станут понятны со страниц книги. Однако география событий 1565 года и 1940–1943 годов отличается весьма широко.

Восточные берега Гранд-Харбора, где также происходили бурные события первой осады 1565 года, и где располагался главный центр сопротивления христиан, представляют совокупность многочисленных узких заливов, отделяющихся друг от друга многочисленными узкими полуостровами под названиями Сенгли, Биргу и некоторыми другими. Такой

характер побережья обеспечивал как закрытые от ветров стоянки судов, так и строительство оборонительных сооружений, недоступных для атак как с суши, так и с моря (замок Святого Ангела на полуострове Биргу, бастион Святого Михаила на Сенгли и ряд других). Совокупность застройки на указанных полуостровах, сливаясь, формировала своеобразный городской анклав в глубине острова под названием Бормола, прикрытый от нападения с суши также системой оборонительных сооружений. Наконец, в глубине главного острова архипелага, в двенадцати километрах от моря, существовал еще один укрепленный оборонительный комплекс под названием Медина.

Приглашая, по сути, беженцев с востока Средиземноморья, Карлос I знал, что делал, причем его выбор был подтвержден всей последующей историей. Спустя три века великий поэт по фамилии Байрон, преодолев приступ извечной английской болезни по названию сплин, лениво поинтересовался: «Смотрю в окошко озадачен, на что сей остров предназначен?» У вершителей судеб Европы на протяжении многих сотен лет подобного вопроса не возникало, ибо значение крохотного архипелага на стыке морских коммуникаций им было понятно изначально.

Действительно, к середине XVI века военно-политическая обстановка на Средиземном море по первому впечатлению выглядела как оформившееся противостояние мусульманского Востока и христианского Запада, если бы не одно примечательное обстоятельство – на ядрах, выпущенных из турецких пушек, нередко красовались лилии: маркировка королевских арсеналов Франции, извлекавшей свою пользу из столкновения противников, не считаясь с догматами веры. Вся Европа знала, что флотилии турок и алжирцев временами базируются на Тулон со всеми вытекающими последствиями.

Изгнанникам, как с запада, так и с востока Средиземноморья, терять было нечего – испытывая не проходящую ненависть к друг другу, они пленных не брали и сами в плен не сдавались, не считая тех, за кого рассчитывали получить богатый выкуп. Это обстоятельство нашло яркое отражение в истории Мальты. Однако прежде нам следует обратиться к судам той эпохи, чьи экипажи во многом определяли судьбы и Мальты, и самого Средиземноморья.

Глава 2. Корабли и люди

Наиболее распространенным судном в водах Средиземного моря в ту пору была галера, у которой в качестве движителя сочеталась мощь мускулов 150–200 гребцов и сила ветра в треугольных косых парусах обычно на двух (реже трех) мачтах, способных уловить самое легкое дыхание зефира. По свидетельствам разных источников, эти суда нередко достигали в длину около пятидесяти метров при шести метрах в ширину и в глубину трюма до 2, 5 метра с осадкой порядка метра, что делало их пригодными для действий на мелководье, а также при высадке на побережье. Таран былых времен, приподнявшись над поверхностью моря со времен Древней Греции и Рима, выродился в своеобразный клюв, применявшийся при столкновении с противником в качестве абордажного мостика. При определенном везении ударом форштевня можно было обломать весла вражеской галеры, частично жертвуя собственными. Это требовало умения и понимания тактики морского сражения, основой которого оставался абордаж с предшествующим интенсивным обстрелом противника лучниками. Огнестрельное оружие только-только входило в практику морского боя, преимущественно на европейских морских судах, причем само устройство галер исключало размещение более трёх-четырёх орудий на полубаке. Командование галеры располагалось на поднятой корме, что позволяло держать в поле зрения всё происходившее на судне. Здесь же иногда размещался небольшой оркестр, своим ритмом (в котором ведущая роль принадлежала барабану) задававший темп гребли, от которой зависела скорость судна, набиравшего разбег в стремлении поразить врага.

По всей длине галеры проходил своеобразный продольный мостик, по которому бегали комиты, вооруженные длинными бичами, чтобы подгонять гребцов, в основном военнопленных или каторжников на положении рабов, прикованных цепями к скамьям или веслам, обычно по три пары рук на весло. Эти люди оставались днем и ночью под открытым небом в любую погоду, причем работа гребцов и надсмотрщиков-комитов была практически одинаково опасной: неработоспособный гребец просто выбрасывался за борт (при попытке сопротивления зарубался или пристреливался), а судьба неловкого комита, сорвавшегося в качку со своего шаткого мостика и оказавшегося среди гребцов, читателю понятна. Вот такая средневековая морская романтика. В распоряжении мальтийских рыцарей было обычно от пяти до семи галер, тогда как объединенные силы христиан и мусульман могли выставить уже сотни таких судов, не говоря о пиратах Марокко, Алжира и Туниса, практически всего магометанского северного побережья Африки.

Иногда для пополнения экипажа в предстоящем сражении, командование галеры шло на освобождение части гребцов-единоверцев. При всем при том надо было держать гребцов в работоспособном состоянии, для чего на каждого приходилось в сутки почти килограмм хлеба, не считая бобовой похлебки, сдобренной небольшим количеством оливкового масла. Только с XVI века они стали получать простейшую одежду в виде полотняной рубашки и штанов летом, зимой из шерсти, при сильных холодах еще одеяло, реже плащ, защищавший от ветра. «Рабочую скотину» из бывших людей приходилось беречь, поскольку от нее зависело слишком многое, и тем не менее такая жизнь в грязи и среди паразитов не могла быть слишком продолжительной, тем более что в случае необходимости гребля могла продолжаться до двадцати часов и более, как того требовала военная обстановка. Единственной надеждой галерного гребца оставалась победа противника, от которого (если он из земляков) несчастный мог получить свободу. При ином исходе гребца ждала морская пучина, он мог утонуть, сгореть заживо или просто погибнуть от вражеской стрелы или клинка, оставаясь прикованным к рабочему месту... Разумеется, о каком-либо медицинском обеспечении этой части экипажа говорить не приходится.

Поскольку галеры дожили до рубежа XVIII–XIX веков, те же источники упоминают, что из-за неприличного запаха эти суда стыдливо задвигали в отдаленные закоулки порта, ибо гребцы не имели привилегий даже в отправлении обычных человеческих надобностей, последствия которых требовалось регулярно скатывать забортной водой. Неудивительно, что офицеры галер усиленно пользовались всеми видами духов в стремлении избежать сами понимаете чего...

Тактика боя галер той поры заключалась в стремлении навязать противнику абордажная схватку, когда противники сходились, что называется, грудь на грудь. Такой бой редко заканчивался вничью, о чем участники знали заранее, и, вступая в него, готовились к любому исходу. При этом строй галер (поскольку многие столкновения происходили вблизи побережья) часто определялся очертаниями берегов, что каждый раз давало простор тактической фантазии флотоводцев. На больших акваториях командующие стремились образовать фронт (что позволяло использовать в начале боя немногочисленную артиллерию) в стремлении охватить своими флангами фланги противника, чего противник, естественно, всеми доступными средствами стремился избежать. Во многом возможности галер определялись их ограниченной мореходностью и зависимостью от волнения, что требовало знания побережья и умения определяться по виду берегов, хотя компасы использовались на Средиземном море в описываемое время уже достаточно широко. Во избежание неприятностей разного рода в темное время суток галеры ложились в дрейф (особенно в одиночном плавании) в ожидании рассвета. К тому времени артиллерия продемонстрировала свою роль в сражениях на море, но как раз галеры не позволяли, из-за многочисленных весел по бортам, вооружать их пушками: в лучшем случае несколько орудий (обычно не больше пяти) устанавливали на баке над «клювом». Спустя несколько столетий невозможность наращивания артиллерийской мощи решило судьбу галер как боевых кораблей.

Хотя стремление усилить артиллерийскую мощь судов привело в XVI веке к появлению галеасов с пушечным вооружением в деревянных надстройках на носу и в корме, их размеры (особенно высокие борта) при столкновениях с галерами практически исключали возможность абордажа. Корабли этого типа с частичным сохранением весел, одновременно с увеличением огневой мощи, размеров и осадки, теряли в поворотливости и в способности к быстрому маневру. В событиях на Мальте эти качества не понадобились, и галеасы себя никак не проявили, даже в артиллерийской поддержке с моря.

Отметим в событиях на Мальте также галеоны, выполнявшие роль транспортных судов. По размерам они были крупнее галер, достигая в длину до 60 м и отличаясь обширными трюмами, приспособленными для грузов, и, соответственно, обладали более глубокой осадкой. Первое время на них сохранялись весла, которые играли по сравнению с парусами уже вспомогательную роль. Другим отличием от галер была их повышенная мореходность. Галеоны при необходимости можно было вооружать артиллерией, причем, в отличие от галер, более многочисленной, располагая ее по бортам на палубах за счет отказа от весел. По мере эволюции мореплавания роль галер уменьшалась, тогда как галеоны, прежде всего архитектурно в соответствии с требованиями времени, превратились в линейные корабли и фрегаты позднейшего времени в составе военных флотов или судов дальнего плавания торгового флота под флагами разных торговых компаний.

Мусульманские пираты в Северной Африке часто использовали и суда смешанного весельно-парусного типа, к которым относились тартаны, бригантины, галиоты, палаки и шебеки, отличавшиеся оснасткой, количеством парусов и размерами, а главное – маневренностью. Благодаря этому они успешно противостояли галерам европейских флотов. Действуя количеством, набрасываясь на неуклюжие военные галеры европейцев словно злобная стая охотничьих собак со всех сторон, эти малявки нередко одерживали вверх. Переходя от кораблей к людям, остановимся на главных героях осады Мальты 1565 года.

Со стороны защитников острова это, прежде всего, де Валетт, Жан де Паризо (1494–1568), Великий магистр (гроссмейстер) ордена мальтийских рыцарей, к тому времени достигший почтенного возраста, что компенсировалось солидным военным опытом и также знанием совокупности достоинств и недостатков потенциального противника, которое он усвоил за время пребывания в плену, где овладел также турецким и арабским языками. Именно де Валетту предстояло оказаться на направлении главного удара мусульман. Представитель графского рода Тулузы присоединился к госпитальерам в 1515 году и вместе с ними прошел испытание обороной Родоса в 1522 году, оказавшись позднее на Мальте. В 1534–1536 годах командовал галерой в рейдах на побережье Алжира и Туниса, обзавелся в 1540 году собственным галиотом, на котором угодил в плен к магометанам, превратившись в галерного раба. Обменен на высокопоставленного чиновника Оттоманской Порты, после чего был назначен губернатором Триполи. С падением Триполи участвовал в так называемом рейде возмездия, в ходе которого было захвачено в плен 1500 мусульман, отправленных затем гребцами на галеры, разумеется, христианские. Легенда утверждает, что однажды де Валетт и Драгут (его главный противник в событиях на Мальте в мае – сентябре 1565 года) встретились, когда их галеры, на которых они оказались в качестве гребцов, и даже узнали друг друга. Продемонстрировав будущему противнику свои цепи, де Валетт якобы произнёс:

– Вот она, солдатская доля...

В ответ Драгут не согласился:

– Нам просто не повезло...

Автор ценных записок о событиях на Мальте Бальби ди Караджо так характеризует де Валетта: «Он высок, хорошо сложен, внушает уважение и хорошо подходит к роли Великого магистра. Он выглядит скорее печальным, но для своего возраста весьма крепок, здоров и в здравом уме. Он очень набожен, мудр, и у него хорошая память. Он очень опытен во всем, что касается военного и морского дела. Он умерен, терпелив и знает много языков». Всем перечисленным качествам вскоре предстояло проявиться в полной мере. Нуждаясь в денежных средствах для укрепления Мальты, орден добывал их неограниченным пиратством у африканского побережья, в котором де Валетт принимал активное участие, продемонстрировав свои военные и организаторские способности, которые позволили ему возглавить орден с 1557 года. Активизации пиратской деятельности способствовал по его инициативе более тесный союз с Испанией, что во многом привело к благополучному исходу мусульманской осады Мальты.

Другой деятель обороны Мальты – Матюрен д’О де Леску Ромегас (1528–1581) – происходил из французской аристократической семьи Арманьяков. Он присоединился к ордену госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского, Родосского и Мальтийского (таким к тому времени стало официальное название ордена) в 1542 году, и уже в декабре 1546 года по заслугам был посвящен в рыцари. Среди его приключений – спасение из перевернувшейся галеры осенью 1555 года, в которой он уцелел, оказавшись головой в воздушном кармане. Большую часть жизни посвятил морской службе, командуя собственной галерой, а позднее эскадрами ордена. Впервые упомянут в письменных источниках в связи с корсарской деятельностью в 1547 году в качестве рядового рыцаря. В августе 1556 года, помощником капитана галеры, отличился в сражении с берберийскими пиратами в Неаполитанском заливе и у острова Стромболи (Липарские острова) в схватке с тремя турецкими галиотами, освободив из неволи 200 христианских гребцов. В патрулировании африканских вод и Сицилии быстро приобретал морской опыт. Однако его активность в атаках на суда мусульман в водах Леванта лишь усилила стремление турок покончить с морской базой христиан на Мальте, поскольку один из пленников христиан, видный мусульманский юрист Саджак-бей Александрийский, выкупленный турками за восемнадцать тысяч дукатов, вернувшись в Константинополь, своими рассказами буквально разжег стремление султана искоренить базу христиан

на Мальте. В 1564 году у острова Кефалония (вблизи балканского побережья) Ромегас захватил галеон, принадлежавший главному евнуху султанского двора, с массой товара, предназначенного для султанских жен, стоимостью ни мало ни много 80 тысяч дукатов. Теперь на политические и военные соображения султана Сулеймана I Великолепного наложились вопли и стенания десятков (или сотен) султанских жен и наложниц, оставшихся без украшений и макияжа. Эффект этого события, с одной стороны, отрицать невозможно, но с другой – документального подтверждения в нашем распоряжении нет... Однако известно, что гнев султана перешел мыслимые границы, что, по мнению ряда историков, и привело к событиям на Мальте. Во время осады Мальты в 1565 году Ромегас поддерживал связь по морю между главными опорными пунктами отпора мусульманам – укреплениями Святого Эльма и Святого Ангела.

Со стороны мусульман первыми к осаде острова приступили командующий блокадным флотом Пиали-паша и командир осадного корпуса Мустафа-паша, которым султан настолько не доверял, что подчинил их своему более надежному флотоводцу – Драгут-Реису (1485–1565), который в нашей исторической литературе присутствует с целым букетом имен разного написания: Доргут, Даргут, Торгут, Драгут и многих других, которые можно найти в исторических источниках. (Память о нем сохранило название западного входного мыса в Мерсамексет, напротив восточного входного мыса Святого Эльма с его фортом, у стен которого Драгут позднее нашел свою кончину.)

Уроженец юго-западной Анатолии из бедной крестьянской семьи в двенадцать лет связал себя морской службой, пройдя затем все ступени иерархии в османском флоте, впервые обратил на себя внимание в победном сражении у Превезы в 1538 году, где он успешно командовал правым крылом флота Хадрейдина. После этого он предпринял самостоятельный поиск на западе Средиземного моря, увенчавшийся богатой добычей. В июне 1540 года захвачен в плен на собственной галере (похоже, это неперенная ступень в военно-морской карьере многих героев эпохи на Средиземном море), выкуплен у генуэзцев Хадрейдином Барбароссой за солидную сумму. Недавний пленник тут же получил в команду 26 кораблей для нападения на Тунис, с чем справился вполне успешно.

С 1546 года он развернул со своими кораблями настоящее наступление против итальянского побережья и прилегающих островов, включая кратковременный десант на Мальту в 1547 году, а год спустя взял на абордаж мальтийскую галеру с казной ордена (20 тысяч дукатов!), подавил антиосманское восстание в Махдии (Тунис) в 1549-м, в 1551 году совершил ознакомительный визит на Мальту, в район будущих событий великой осады. Так что его появление там с началом осады не было случайным. За трехнедельное пребывание на Мальте в 1565 году организовал артиллерийскую блокаду форта Святого Эльма, чем способствовал его падению. По некоторым сведениям, именно он (что оспаривают другие источники) оставил после себя своеобразный памятник эпохи на острове Джерба, у берегов которого в 1560 году наголову разбил испанский флот, – пирамиду из человеческих черепов, простоявшую до середины XIX века, когда Тунис оказался под протекторатом Франции.

Улудж-Али-Канделисса (1520–1587), итальянский ренегат, выходец с Калабрии. Принял ислам, будучи в плену у Хадрейдина Барбароссы, сделав успешную карьеру, присоединился к Драгуту, губернатору Триполи в 50-е годы XVI века. Отличился в битве при острове Джерба. Позднее сражался на Мальте и у Лепанто, о чем подробнее ниже, однако, не покрыв себя неувядаемой славой.

Такой вот набор исторических персонажей, после знакомства с которыми читатель волен прийти в восхищение от очередной галереи исторических героев или окончательно потерять веру в торжество добра по мере развития исторического прогресса. Политические симпатии в отношениях Запада и Востока в акватории Средиземноморья менялись настолько часто, что капитаны галер Мальтийского ордена не успевали следить за зигзагами политики

и дипломатии, тогда как соблазн добычи по принципу «здесь и сейчас» оставался всегда. На этом фоне упорство и готовность рыцарей-иоаннитов противостоять натиску магометан те ощутили в полной мере очень быстро, тем более что новые хозяева Мальты на всякий случай заняли городок Триполи на африканском берегу. Это противостояние усиливалось стратегическим положением Мальты (всего-то два-три крохотных бесплодных островка, не имевших достаточно даже пресной воды), не позволявшем мусульманам Алжира и Марокко сомкнуть свои силы с мощным флотом турецкого султана в борьбе с «неверными», нараставшей год от года. По этой причине военное столкновение за Мальту было лишь вопросом времени.

Первая проба сил состоялась в 1551 году, когда у берегов Мальты появился объединенный флот из 120 турецких галер и 30 кораблей алжирских пиратов под общим командованием Синама-паши, состоявшего на службе у турецкого султана. Еще одна примечательная личность, о которых говорят: «Пробы негде ставить». Уроженец Смирны, поменявший веру, по кличке «Чесаут» (еврей), знающий навигатор, пользовавшийся заслуженным авторитетом у пиратов. Соратник Хайдреддина Барбароссы и Драгута в битвах в Тунисе и у Превесы. Поскольку его участие в событиях на Мальте оказалось ограниченным, ограничимся и мы сказанным в отношении этой персоны, тем не менее оставившей свой след в истории Средиземноморья.

Поскольку основные укрепления мальтийских рыцарей располагались на восточном берегу Гранд-Харбора, Синам-паша стал на якорь в удобной соседней бухте Мерсамексет, прикрываясь от обстрела артиллерией главной базы мальтийцев в заливе Гранд-Харбор довольно высоким полуостровом Шибerras.

По результатам рекогносцировки Синам-паша быстро пришел к выводу, что любая атака главных опорных пунктов рыцарей, расположенных в заливе Гранд-Харбор современных карт замков Святого Ангела и Святого Михаила без артиллерии не сулит успеха, но выгружать с кораблей тяжелые пушки на необорудованный берег в жару показалось предводителю пиратов слишком обременительным занятием, и, несмотря на возражения своего ближайшего помощника Драгута, Синам-паша ограничился лишь нападением на Триполи и соседний небольшой остров Гоцо, захватив в рабство практически всё его население порядка пяти тысяч человек. И мусульмане, и христиане понимали, что появление Синам-паши не было простым визитом вежливости, и готовились к предстоящим событиям со всей серьезностью и в полной мере. Они вовремя учли уроки 1551 года, начав строительство форта Святого Эльма на северной оконечности полуострова Шибerras, как часть единой оборонительной системы Мальты.

Магистр ордена (в ту пору им был испанец Хуан де Омер) не только срочно приказал укрепить замки Святого Ангела на полуострове Биргу и Святого Михаила на соседнем полуострове Сангли, но и форт Святого Эльма на полуострове Шибerras, орудия которого позволяли контролировать входы в бухты Мерсамексет на западе и Гранд-Харбор на востоке. Заканчивал подготовку к отражению мусульманского вторжения новый магистр ордена, выбранный на эту должность в 1557 году, уже отмеченный выше де Валетт, с успехом продолжавший пиратствовать в окрестных водах. Помощь с соседней Сицилии была ограниченной из-за голода, поразившего Италию одновременно с поражением христиан у острова Джерба в 1560 году от османского адмирала Драгута, увенчавшего свою победу пирамидой из черепов христиан, простоявшей три столетия, чтобы напоминать старую истину – горе побежденным. Сам Драгут, вскоре возглавивший турецкий флот, образно называл Мальту «змеиным гнездом христиан». Множество признаков подтверждали приближение военного столкновения в борьбе за архипелаг.

Глава 3. Враг у ворот

Крохотный архипелаг теперь оставался единственным чужим звеном в единой цепи морских коммуникаций мусульман на пространстве от Алжира до Босфора. Уже поэтому атака на него становилась вопросом времени, и возникшая задержка была связана с нехваткой гребцов на галерном флоте в Стамбуле, солдат для абордажного боя, продовольствия и даже боеприпасов. Все это пожирала мусульманская агрессия, сметающая все на своем пути в направлении от Босфора до Дуная, первой жертвой которой стали Балканы.

Целый ряд признаков свидетельствовал о приближении решающего момента. Под видом рыбаков турецкие специалисты-саперы обследовали укрепления Мальты, в результате чего султан получил модель укреплений острова, на которой отрабатывал варианты атак вместе с будущими предводителями правоверного воинства полумесяца. С января 1565 года Стамбул вдруг оказался закрытым городом для иностранцев. В донесениях оттуда испанского посольства отмечалась лихорадочная работа на турецких верфях, лично контролируемых султаном. При этом для серьезной военной операции на Мальте требовались не только пушки и боезапас к ним, но и всё, чего нельзя было получить на Мальте – вплоть до воды и дров. По оценкам сведущих людей (в позднейшие времена называвшихся то шпионами, то разведчиками), указанные мероприятия обошлись Османской Порте в треть годового дохода.

На этом общем фоне временами возникали проблемы экзотического (на современный взгляд) характера: например, транспортировка морем лошадей, поскольку требовалась кавалерийская поддержка войск после десантирования, и, таким образом, даже в те времена десантная операция была сложным делом. Эти приготовления не остались без внимания на Мальте, хотя вице-король Сицилии, отвечавший за поддержку Мальты, дон Гарсия Толедский оказался в затруднительном положении не только из-за голода, поразившего Италию, но и из-за весьма расплывчатых королевских инструкций из Мадрида.

Между тем сам орден решал проблему собственного обеспечения привычным способом, нападая на все суда в доступных акваториях и забирая с них все, что можно было забрать, начиная с пресной воды, не говоря о продовольствии или порохе. После получения тревожной информации с берегов Босфора дон Гарсия Толедский в апреле 1565 года проинспектировал укрепления Мальты, особо указав де Валлетту на роль форта Святого Эльма в системе обороны острова, одновременно обнаружив его опасные недостатки, что подтвердилось позднее. В Гранд-Харбор 7 мая была установлена цепь поперек бухты, разделяющей полуострова Биргу и Сангли. Комендантом крепости Медины в центре острова (всего в 12 километрах от побережья) был назначен рыцарь Педро Мезкито из Португалии, с четким указанием держаться до последнего в случае вражеской осады, поскольку вверенная ему крепость становилась в предстоящих событиях последней надеждой мальтийцев.

Однако на берегах Босфора, при всей спешке и понуканиях султанского двора, дела шли не лучше. Тем не менее перед тем, как заняться Мальтой вплотную, султан Сулейман высказал свою точку зрения вполне однозначно: «Эти сукины дети, которых я уже покарал, спаслись лишь благодаря моему милосердию на Родосе. Я говорю теперь, после их непрерывных набегов и оскорблений: они должны быть наконец сокрушены и уничтожены». Даже с учетом особенностей языка XVI века подобная речь не позволяла двойного толкования. Соответственно, 30 марта огромный караван галер и транспортных галеонов, не считая вспомогательных судов разного назначения, отправился в Мраморное море, причем экипажи и солдаты оставались в неведении о конечном пункте похода и его цели. Зато они знали о крушении галеона с порохом у берегов Греции и гибели на нем нескольких сот человек, как знали о нежелании многих военных принять участие в походе, значительном дезертирстве и

многочисленных попытках откупиться в стремлении избежать участия в рискованном предприятии. Естественно, все это не могло не отразиться на настроении рядовых участников плавания, особенно кавалеристов, для которых всегда перевозки по морю оставались особой проблемой. В некоторых исторических трудах отмечено, что это событие происходило в общей атмосфере триумфа. Однако другие источники позволяют в этом сомневаться. Глядя на отплывающий флот галер в сопровождении транспортов, великий визир Али (который по своей должности не мог не быть в курсе событий) произнес таинственную фразу, которая, возможно, является верхом цинизма, характерного во все времена для политических деятелей верхнего звена: «Отправляются на увеселительную прогулку вокруг прекрасных островов...»

Точно так же ломало голову и командование в стане потенциального противника, получая редкие сообщения со встречных судов, также стремившихся избегать нежеланной встречи, – куда направляется эта армада под зелеными флагами пророка Мухамеда: к берегам Гулеты (испанского анклава в Тунисе), к Калабрии, к испанскому побережью или, наконец, к Мальте? Тем временем грандиозный флот не спеша двигался по направлению к своей цели. 7 апреля он встал на якорь в Афинах, а спустя месяц его обстреляли береговые батареи испанцев и итальянцев в Сиракузах (Сицилия).

Историк ордена Джаккомо Брзио так описал появление турецкой армады у берегов крохотного архипелага под командой Пиали-паши: «В 13 милях от Мальты турецкая армада была ясно видна. Парусами был покрыт весь горизонт... Развернувшись в виде огромного полумесяца по спокойному морю, к Мальте двигались сотни кораблей – 130 галер, 30 галиотов, 9 грузовых барж, 10 крупных галеонов и две сотни мелких вспомогательных судов». В тот день мероприятия по подготовке к обороне острова были далеки от завершения, и турки 18 мая 1565 года практически беспрепятственно стали на якорь в бухте Мерсамексет (там же, где и четыре года назад) в готовности высадить на берег войско вторжения общей численностью до 30 000 человек, включая корабельные экипажи. Позднейший историк отметил: «Вот как оно было составлено: 6300 янычар, все отборные воины, 6000 анатолийцев, стрелков и копьеносцев, 2500 греков, 13 000 охотников, зависящих от корпуса дервишей и улемов, нечто вроде религиозной корпорации, давшей обет стать под знамена священной войны; наконец, 3500 искателей приключений, одетых в львиные и тигровые шкуры и носившие на голове перья орлиные и других хищных птиц, дополняли это страшное сборище и казались эмблемами его зверства» (Архенгольц. С. 259).

Особого описания требуют подразделения янычар, игравшие ударную роль во всех предприятиях подобного рода. Они появились еще в 1363 году при султани Мураде в качестве личной охраны, и первоначально формировались из христиан, перешедших на сторону турок-магометан, во избежание ненужного контакта с остальными подданными. Со временем их ряды стали пополняться юными отпрысками христиан, воспитанными в мусульманской вере. Теперь их не принимали как христиане, которые видели в них изменников, так и мусульмане, не доверявшие им в силу их происхождения. Это был прием, достойный позднейших иезуитов, но с точки зрения власти, он оправдал себя, потому что этим людям из своего круга некуда было податься за его пределы. Они, почитая султана вместо родного отца, получили особое положение в войске: снабжение, обеспечение обмундированием и снаряжением, при разделе добычи и т. д. Особенностью вооружения янычар были новые аркебузы, более длинные по сравнению с европейскими. Они требовали больше времени для перезарядки, зато стреляли дальше и точнее, что защитники Мальты вскоре испытали на себе в полной мере. Указанный источник в приведенном перечне почему-то не указывает подразделений спаги, близких по назначению к европейским драгунам, которые в зависимости от обстановки могли сражаться как в пешем, так и в конном строю, вооруженных помимо

холодного оружия луками, арбалетами и фитильными ружьями. Видимо, количество спаги несколько превышало численность янычар.

В ночь на 19 мая это войско начало высадку под водительством Мустафы-паша (1500–1580). При этом сухопутный и морской начальники не ладили друг с другом, о чем знал султан Сулейман. Поэтому он планировал усилить их кораблями и живой силой из Триполи на границе Ливии и Туниса под командой Драгута, которому поручалось общее руководство операцией по захвату Мальты. Он должен был сглаживать разногласия подчиненных командиров, но оба паши своим прибытием опередили его.

С современной точки зрения, происходившее на Мальте в 1565 году является поучительным примером десантной операции с целью захвата будущей оперативной базы для направленных действий против христианского побережья Европы и, одновременно, защиты собственного североафриканского побережья с его пиратскими гнездами. Правда, некоторые морские историки (например, немец Альфред Штенцель) это важнейшее событие в истории Средиземноморья не считают таковым, поскольку непосредственного столкновения флотов противников, по его мнению, так и не произошло, одновременно не отрицая, что осада Мальты 1565 года явилась прологом к знаменитому Лепантскому сражению 1571 года. Европа между тем внимательно следила за происходящим на Мальте, не строя себе иллюзий, о чем свидетельствовало высказывание английской королевы Елизаветы I: «Если турки победят на Мальте, невозможно представить себе, насколько станет опасным положение всего христианского мира».

В этом утверждении английской королевы было много справедливого, что подтверждается многочисленными посланиями римского папы Пия IV, отметившего раскол среди европейских монархов перед лицом турецкой угрозы не только на религиозной почве. Для этого достаточно вспомнить позицию французского короля Франциска I. Вот почему духовному главе католиков принадлежит неутешительный вывод: «С учетом нашей слабости и разъединенности, бояться им (туркам. – В. К.) нечего». Такой вывод полностью соответствовал складывающейся в Европе ситуации: Испания завязла в войне с восставшими нидерландскими провинциями и готовилась покарать еретиков в безбожной Англии – попытка, как известно, закончившаяся разгромом Великой Армады; Франция раздиралась религиозными войнами между католиками и гугенотами и т. д. и т. п. Определенно ожидать сплочения христианских сил на этом историческом фоне не приходилось.

Тем не менее испанский король Филипп II отнюдь не бездействовал, в частности назначив дона Гарсия Толедского своим наместником в Сицилии и Южной Италии, однако, как обычно, не учитывая целого ряда конкретных обстоятельств. Так, из-за разобщенности союзных сил флота по различным итальянским государствам и портам к решающему моменту в событиях на Мальте в распоряжении дона Гарсия оказалось в восемь раз меньше кораблей, чем у турок.

Возвращаясь на берега Мальты, отметим, что силам мусульман гроссмейстер Мальтийского ордена де Валетт мог противопоставить не более 8500 бойцов, из которых половину составляли обитатели архипелага, вооруженные аркебузами, только 200 рыцарей ордена и еще 2000 наемных итальянских солдат, срочно присланных в ожидании вторжения вице-королем Сицилии доном Гарсия Толедским. Правда, защитники Мальты, получая надежные разведданные из самого Константинополя, в чем-то подготовились к такому развитию событий, отправив не способных держать оружие на материк. Взамен те же корабли при возвращении доставили все необходимое для упорной обороны, включая запасы пороха, ядер, оружия и продовольствия. По опыту прежних столкновений, ни та ни другая сторона на милость противника не рассчитывали... Поэтому оставшееся мирное население острова (понятие достаточно условное во все времена) со скотом, пожитками и домочадцами, включая женщин и детей, тут же бросилось на защиту стен замков Святого Ангела и Святого

Михаила, укреплений Бармолы на западном берегу Гранд-Харбора. Хотя де Валлетт в основном надеялся на своих орденских рыцарей и наемных солдат, мужчины-мальтийцы оказались также не только вовремя, но и к месту, тем более, что оружия для них вполне хватало. Правда, гроссмейстер считал коренных мальтийцев «за людей невеликой преданности. Они в ужасе разбегутся от аркебузного выстрела. Что случится, когда осадные орудия начнут убивать их жен и детей?» События показали, что гроссмейстер ошибался в оценке этой части своих подданных.

Вся система обороны острова держалась, таким образом, на четырех узлах сопротивления будущему противнику. В бухте Гранд-Харбор это были замки Святого Ангела на полуострове Биргу и Святого Михаила на полуострове Сангли, разделенные неширокой акваторией Докьярд Крик, через которую по указанию де Валлетта был наведен наплавной мост, что позволяло маневрировать личным составом своих подчиненных, перебрасывать их по мере необходимости из одной горячей точки к другой, что сыграло важную роль в последующих событиях. Третий узел обороны, выбор которого, казалось бы, позволял контролировать своей артиллерией обе соседние бухты – форт Святого Эльма, имел существенный недостаток: недостроенный рavelин вблизи главных стен самого форта, что сыграло роковую роль в судьбе самого форта и поставило на грань поражения всю систему обороны мальтийских рыцарей, о чем ниже. Четвертым узлом обороны, несмотря на ветхость крепостных построек, оказалась крепость Медина, оказавшаяся несколько в стороне от основных событий. Она располагалась всего в 12 километрах от места основной высадки турок и пиратов в бухте Мерсамексет. Такое расположение объектов обороны Мальты, как оказалось, имело свои плюсы и минусы. Все вместе перечисленные объекты свидетельствовали о несомненном стратегическом мышлении тех, кто выбирал и строил эти сооружения.

Обитатели Мальты все же успели надежно укрепить подходы к замку Святого Ангела и усилить оборону форта Сент-Эльм на крайней северной точке полуострова Шибerras между бухтами Мерсамексет с запада и Гранд-Харбора с востока. Именно здесь, на площади всего чуть больше квадратного километра, развернулись основные военные действия.

Форту Святого Эльма и предстояло сыграть в обороне Мальты важнейшую роль, особенно на начальном этапе, в полном смысле заслонив собою столицу острова. Правда, начатое и не законченное укрепление треугольных очертаний у западных стен форта (так называемый рavelин) оказалось его наиболее слабым местом, это оказался наиболее серьезный просчет в обороне Мальты, за который ее защитники заплатили по полной.

Была также отработана система сигнализации между отдельными узлами обороны в пределах всего архипелага. После первых сообщений о высадке противника де Валетт, обращаясь к рыцарям, заявил: «Нет лучше случая, чем этот. Поспешим же, братья, на этот алтарь, вспомним наши клятвы!» Этот взгляд разделяли и остальные защитники Мальты, включая аборигенов, которых рыцари поначалу не принимали в качестве серьезной военной силы. Для гроссмейстера ордена предстоящее противостояние выглядело продолжением деяний предшественников, отстаивавших интересы ордена в пустынях Палестины, Сирии, на Родосе, но в отличие от них на этот раз речь шла уже о самом существовании ордена, которому было уже отступать некуда, что порождало совершенно новую ситуацию для ордена в целом и для каждого рыцаря в отдельности.

Непосредственно военные действия на суше начались с высадки турецкого десанта, которую командор Копьер во главе небольшого отряда кавалерии из Медины в центре главного острова архипелага, возглавлявший силы обороны в бухте Месамексет, прозевал. Однако, когда турки приступили к строительству бастионов, вооруженных артиллерией, у защитников острова не осталось сомнений в серьезности намерений врага: «Если мальтийцам дотолле оставались еще сомнения насчет цели экспедиции, то теперь уже должно было разубедиться. Оставалось прибегнуть к Господу, что и было первой мыслью гроссмейстера.

Процессии и всенародные молебствия предшествовали войне» (Архенггольд. С. 259), – сообщает тот же источник. Эти мероприятия продолжались слишком недолго, поскольку, используя кавалерию, мусульмане уже с первых дней контролировали практически всю территорию острова за исключением крепости Медина в центре, форта Святого Эльма на севере полуострова Шибerras и замков Святого Ангела и Святого Михаила на полуостровах Биргу и Сенгли в соседней бухте Гранд-Харбор современных карт. 20 и 21 мая без особого успеха мусульмане попробовали прощупать оборону ордена. С позиций обороняющихся открывшаяся картина могла внушить чувство ужаса. Турецкая армия покрыла всю окружающую местность огромной массой в виде гигантского полумесяца в соцветье массы флагов разного цвета, под звуки незнакомой военной музыки. Де Валетт, дождавшись, когда эта громадная людская масса оказалась в пределах его оружейного огня, после первых залпов приказал молодым рыцарям, рвавшимся в бой, идти на вылазку, возглавив ее. Результат этой вылазки оказался показательным по соотношению потерь один к десяти в пользу христиан, причем повторная атака завершилась с тем же результатом. Надо отметить, что турки поверили пленному рыцарю де Ривьеру, который под пытками обманул врага, показал якобы наиболее слабые места укреплений. Пожертвовав, таким образом, собственной жизнью, он заставил мусульманских военачальников вернуться на полуостров Шибerras с фортом Святого Эльма на его северной оконечности, тесную блокаду которого, казалось, было несложно осуществить. Однако одна только доставка артиллерии на новые позиции обошлась мусульманам ценой огромных усилий. Солдат Франческо Бильби со стен Биргу наблюдал, как упряжки по десять быков и множество людей волокли каждую пушку, тем не менее уложившись с этой операцией всего за двое суток. Теперь против южных стен форта Святого Эльма возникла сплошная стена батарей, где каждая пушка отделялась от соседней деревянным ящиком, заполненным камнями, образующими в совокупности огнедышащую позицию с укрытием для пушкарей.

Сам форт Святого Эльма очертаниями своих стен с выступавшими бастионами напоминал многолучевую звезду неправильной формы. С западной стороны, обращенной к бухте Мерсамексет, находился тот самый недостроенный обособленный равелин, вооруженный всего двумя пушками, которому в дальнейшей осаде Святого Эльма предстояло сыграть далеко не самую лучшую роль. Буквально в первые дни осады форта дезертир-итальянец подсказал мусульманам идею нарастить высоту этого укрепления, с тем чтобы получить обзор внутреннего пространства форта, скрытое снаружи стенами, – теперь мусульмане получили возможность стрелять из своих дальнобойных аркебуз по защитникам на выбор! При этом гарнизон форта Святого Эльма насчитывал всего до 600 бойцов, из них только до полусотни орденских рыцарей, остальные наемные солдаты и местные мальтийцы. Указанные особенности форта показали обоим турецким начальникам достаточно привлекательными, но это первое впечатление оказалось, как показали дальнейшие события, оказалось неверным, что в значительной мере сказалось на исходе всей операции по захвату Мальты.

В свою очередь намерения турок вплотную заняться Сент-Эльмом выдал де Валетту перебежчик-мусульманин, весьма осведомленный охранник Мустафы, нередко присутствовавший при принятии решений пашой. Такая информация вполне устраивало руководителя обороны Мальты. Надо отметить, что в событиях на Мальте перебежчикам принадлежала важная роль: очевидно, религиозный фанатизм с обеих сторон великолепно уживался с ограниченным понятием верности у наемных вояк.

Командор Копьер, завершив свои богоугодные мероприятия, с наличными (находившейся всего в 12 километрах от места описываемых событий) силами (всего около 1200 солдат) почти непрерывно продолжал из Медины партизанить и вести разведку в окрестностях высадки мусульман, пользуясь своим знанием местности. Он постоянно тревожил неприятеля в попытках определить его силы и намерения в отдельных стычках, и скоро убедился,

что силы мусульман превышают его собственные примерно в десять раз, и даже самое благоприятное соотношение потерь в этих столкновениях не могло изменить его положение к лучшему. В ближайшие дни турки и пираты развили активную деятельность.

Практически с 24 мая они приступили к непрерывному обстрелу стен форта Святого Эльма, сосредоточив главные свои усилия на его захвате, что вполне устраивало де Валетта. Из сведений разведки он отчетливо представлял намерения противника: «Их план – взять приступом форт Святого Эльма, чтобы ввести флот в гавань и перезимовать. После Святого Эльма они осадят замок Святого Ангела». Мусульманские стратеги не учли три важных обстоятельства, которые привели позднее к общей неудаче: 1) недостаток у них войск для одновременного захвата всех укреплений ордена, 2) близость враждебной Сицилии, способной питать осажденную Мальту с постоянной угрозой блокады их собственному флоту, 3) невозможность зимовки на Мальте из-за ограниченности местных ресурсов, включая воду. (Предвидя развитие событий, накануне появления вражеского флота де Валетт приказал завалить источники воды павшими животными, так что турки с самого начала военных действий оказались не только в стесненных, а еще и в антисанитарных условиях, гарантировавших им огромные потери от кишечных и других заразных заболеваний, на что войки всех времен не обращали особого внимания.) Еще больше указанная проблема возросла, когда захват форта Святого Эльма вместо ожидавшихся четырех-пяти дней занял почти месяц, но время для осаждающих было упущено безвозвратно, а количество разлагающихся на жаре трупов возросло, поскольку турки не успевали хоронить своих убитых, что привело к повышенной заболеваемости в рядах войска Аллаха элементарным поносом, не считая тифа.

К разочарованию обоих турецких военачальников, укрепления мальтийцев в районе высадки оказались значительно сильнее, чем это было известно по сведениям Синан-паши и собственным первым впечатлениям. Несмотря на это, оба паши приступили к осаде форта Святого Эльма (комендант де ла Серда) вплотную, на чем особенно настаивал Пиали-паша, считавший, что его резервы бесконечны, особенно в сравнении с возможностями осажденных. Несколько сот христианских голов, продемонстрированных будущему руководству в лице Драгута, могли стать доказательством рвения обеих пашей, но как раз именно этого и не случилось. Эти первые атаки, несмотря на весь свой напор, показали плохую подготовку мусульманского воинства, когда, например, янычары отправились на штурм со слишком короткими лестницами и т. д. Более того, уже в первых атаках турки несли ощутимые потери, особенно от «огненных колес», обручей от бочек, обмотанных пенькой и тряпками, пропитанными горючим составом, которые, врезаясь в плотную толпу атакующих в широких одеждах, поджигали их, выводя из строя.

Командующий гарнизоном форта Святого Эльма Хуан де ла Серда считался вассалом испанского короля Филиппа II и по известному правилу «вассал моего вассала – не мой вассал» полагал, что его обязанности по отношению к ордену ограничены. Это уже отразилось в его рапорте де Валетту: «Форт невелик, слаб для обороны, без фланговой защиты уподобляется чахоточному телу, которому для поддержания жизни нужно много лекарств». Де Валлетт поблагодарил его за столь ценную информацию, направив подкрепление из 120 солдат во главе с капитаном Медрано, что на время подняло настроение осажденных. Тем не менее состояние обреченности не покидало их, и де Валетту пришлось приложить немало усилий, чтобы переломить его.

Все же в Биргу 6 июня было получено из Сент-Эльма очередное послание за подписью всех рыцарей, по сути, просившихся на самоубийственный бой, чтобы погибнуть не в качестве пушечного мяса, а в соответствии со своими понятиями чести. Однако подобное не входило в планы де Валлетта. Его ответ гласил: «Можете уходить. На место каждого найдутся четыре добровольца». Рыцари, в соответствии с канонами ордена о подчинении, вняли увещаниям главы ордена. Вместе с небольшим очередным подкреплением в форт были

переправлены «огненные обручи» от бочек, обмотанные тряпками, пропитанными горючим составом, которые, пущенные по склону на атакующих, врезаясь в их плотную толпу, выводили из строя сразу нескольких воинов.

Между тем в рядах осаждающих происходили раздоры, когда представители флота во главе с Пиали-пашой предъявляли многочисленные претензии сухопутным войскам Мустафы-паши, а оба паши вместе поносили янычар, не оправдавших себя в первых боях.

Глава 4. Сражение за форт Святого Эльма. Гибель Драгута

Тем не менее осада продолжалась. Под убийственным огнем со стен форта турки вели к ним траншеи-апроши, не ставя ни в грош жизни рабов, которых они использовали в качестве подневольных саперов. С завершением этих работ немногочисленные стрелки-аркебузеры на стенах Сент-Эльма сами оказались под огнем множества мусульманских солдат, которые своей численностью буквально задавили противника. Положение ухудшилось в результате неудачной вылазки осажденных, когда, пользуясь ночной темнотой и возникшей суматохой, турки овладели недостроенным укреплением у западной стены форта, так называемым равелином. Последовав совету дезертира-итальянца, турки надстроили захваченный равелин по высоте, получив тем самым обзор пространства внутри форта, скрытого прежде стенами. Турки сделали это с помощью местного камня и даже мешков с шерстью, так что внутреннее пространство форта оказалось у них теперь как на ладони. Теперь защитники форта не могли поднять головы из-за прикрытия стен, чтобы не попасть под губительный обстрел янычар и пиратов.

Подавив огонь защитников форта, янычары приступили к сооружению штурмового моста из корабельных мачт с равелина на стены самого форта, не считаясь с потерями среди рабов-саперов, которым предстояло умереть или от пуль аркебузеров-христиан, или от рук собственных надсмотрщиков – янычар. Несмотря на огромные потери среди подневольных строителей-саперов, мостик неумолимо приближался к стенам форта Святого Эльма, пока последние бревна не легли на сами стены, соединив, таким образом, равелин с фортом. Теперь этот мост, даже оставаясь недостроенным, превратился в самое жаркое место в обороне форта, куда и обороняющиеся, и атакующие направляли свои усилия, обстреливая друг друга из огнестрельного оружия и луков с самых коротких расстояний, временами схватываясь врукопашную. Защитники форта неоднократно пытались поджечь этот мост, который атакующие обильно поливали водой, а затем стали делать защитную присыпку из грунта.

Разведчики регулярно докладывали обстановку де Валетту, находившемуся в своей резиденции в замке Святого Ангела в Биргу. Великий магистр видел, что турки связали себя, упершись лбом в форт Святого Эльма, который оказался для них твердым орешком, с одной стороны, и явно второстепенным объектом в системе обороны христиан – с другой. Де Валетт рассчитывал, что противник напрасно израсходует боезапас и понесет при захвате Святого Эльма такие потери, что остальная Мальта окажется ему уже не по зубам, что полностью подтвердилось в обозримом будущем. Правда, в создавшейся ситуации могла возникнуть необходимость пожертвовать фортом Святого Эльма вместе с защищавшим его гарнизоном, но на войне, как на войне... По этим причинам де Валетт даже запретил вылазки за пределы замков Святого Ангела и Святого Михаила, чтобы сберечь собственные силы, которые он намеревался использовать в решающий момент, который должен был наступить, несмотря ни на что.

Утром 2 июня рыцари, оборонявшие форт Святого Эльма, были разбужены залпами турецких батарей. В первый момент они решили, что турки ведут огонь по кораблям дона Гарсия Толедского, наконец-то явившегося с долгожданной помощью от берегов Сицилии. Действительность оказалась намного хуже – это был салют эскадре Улуч-Али и самого Драгута из 45 кораблей с 2500 воинов на борту, хотя указанные оценки значительно расходятся по разным источникам. К этому времени форту Святого Эльма были уже нанесены существенные разрушения, наряду со значительными потерями в гарнизоне. Особенно пострадали от артиллерийского огня турок выступы-бастионы. Несмотря ни на что, форт продолжал успешно обороняться, тем более что потери мусульман были значительно выше, чем

у обороняющихся. Однако осаждающие регулярно получали пополнение с кораблей, тогда как защитники Святого Эльма такой возможности не имели, сохраняя, однако, ограниченную связь со штаб-квартирой в Биргу, где обосновался и де Валетт. Ознакомившись с ситуацией, Драгут, который фирманом султана становился командующим осадой Мальты, тут же созвал военный совет, на котором выступил с уничтожающей критикой своих предшественников, за то, что они в своих действиях пошли на поводу у де Валетта, в чем был абсолютно прав. (Таким образом, выяснилось, что взгляды командующего осадой острова Драгута и руководителя обороны Мальты де Валетта полностью совпадали – оба они считали, что бои за Сент-Эльм лишь истощают силы осадного корпуса, отвлекая его от главной цели.) Драгут, убедившись, что ему не удалось примирить своих соперничающих помощников, принял решение: продолжать начатое, поскольку отступление в глазах друзей и врагов будет истолковано как неудача. Такой вариант устраивал как Пиали-пашу, так и Мустафу-пашу, поскольку он снимал с них ответственность, тем более со ссылкой на такие высокие инстанции, выше которых на земле не бывает.

Солидный возраст около восьмидесяти лет и весь предшествующий военный опыт подсказывали Драгуту, что для начала правильным было бы овладеть соседним островом Гоцо, который практически превратился в перевалочную базу для поступления с соседней Сицилии продовольствия и боеприпасов (хотя и в незначительном количестве) и был великолепным наблюдательным пунктом за окружающей акваторией. Только затем он собирался нанести удар по укреплениям христиан на полуостровах Биргу и Сенгли в Гранд-Харборе, где были сосредоточены основные силы ордена. Именно это и пытались сделать поначалу оба паши в своем первом неудачном приступе, от которого по первым результатам отказались. Таким образом, Драгуту предстояло расхлебывать кашу, которую заварили другие, причем, как оказалось в ближайшие дни, без какой-либо поддержки Аллаха, полагаясь больше на собственную артиллерию, тем более, что он оценил число защитников форта Святого Эльма в 500 солдат, включая чуть больше полсотни рыцарей, не считая небольшого количества вооруженных местных жителей. С прибытием Драгута были созданы новые артиллерийские позиции на западном входном мысу в залив Мерсамексет, откуда начался уничтожающий артиллерийский огонь на поражение по западному участку форта в районе равелина, напоминавшего очертаниями неправильный треугольник. Поскольку он обрывался стеной к стенам самого форта Святого Эльма, в исторических описаниях фигурирует нередко как контр-эскарп.

Всего против обреченного форта действовали десять 80-фунтовых пушек и две кулеврины, стрелявшие 60-фунтовыми ядрами. Особую опасность для немногочисленного гарнизона представлял василиск, одним выстрелом посылавший 160 фунтов картечи. Одновременно мусульмане стали засыпать вырубленные в скале из мягких коренных пород рвы, мешавшие им подойти к стенам форта, под защитой которых в непростреливаемых участках они сами предполагали накапливать силы для последнего решительного броска.

Осажденные в Сент-Эльме уже по результатам первых атак и обстрела поняли, что продержаться долго им не удастся. Всё складывалось против защитников Сент-Эльма настолько безнадежно, что уже 5 июня шевалье Миранда, имевший репутацию безупречного воина, в замке Святого Ангела высказал мысль, что придется пожертвовать обреченным фортом. Однако уперся де Валетт, решивший продолжать оборону Святого Эльма до последней крайности, обрекая его гарнизон на гибель с целью нанести мусульманам наибольший ущерб, для чего он направил морем в обреченный форт комиссию из одиннадцати своих соратников, которая подтвердила оценки командующего, одновременно разрешив желающим покинуть форт, переправившись в Гранд-Харбор: этим предложением никто не воспользовался.

Свое решение де Валетт мотивировал следующим образом: «Я знаю, что форт не может держаться, но для спасения ордена необходимо, чтобы вы защищали форт до послед-

ней минуты, хотя бы вам пришлось погresti себя под его развалинами. От одного дня больше или меньше зависит спасение Мальты, и теперь представился случай, чтобы вы по данному вами обету должны считать жизнь ни во что, если пожертвование ею может быть полезно вере. Я доставлю вам подкрепление и снаряды и сам, будьте в том уверены, явлюсь, чтобы умереть среди вас» (Архенгольц. С. 264). Это было обычное военное решение, когда частным приходится жертвовать ради главного, но на войне, как на войне.

Положение форта Святого Эльма ухудшалось с каждым днем, особенно когда он оказался под продольным обстрелом батарей с мысов Тинье (западный берег бухты Мерсамексет) и Виселец (восточный входной в соседнюю бухту Мирса-Сироко, на современных картах Гранд-Харбор), начиная с 4 июня, охватывающих полуостров Шибerras с обеих сторон. На следующий день траншеи турок вплотную подошли к стенам форта, окончательно отрезав его от сообщения с Гранд-Харбор, откуда морем еще могла поступать помощь.

Сообщение очередного перебежчика о состоянии гарнизона форта настолько вдохновило Мустафу-пашу, что он 14 июня предложил капитуляцию защитникам Сент-Эльма по примеру Родоса. Защитники форта отогнали парламентаря выстрелами, это была еще одна неудача осаждающих.

На следующий день в лагере магометан были проведены мероприятия идеологического характера: на отдыхе муфтии и имамы читали правоверным молитвы, благословляя воинов пророка на боевые подвиги.

16 июня, «едва солнце осветило театр верховной борьбы, – пишет летописец, – как оттоманский флот явился в гавани Мерсамексет, чтобы соединить свой огонь с огнем осаждающих. 4000 стрелков находились в траншеях контр-эскарпа, под защитой их штурмовая колонна, снабженная лестницами, заняла ров и в величайшем безмолвии выстроилась у подножия стены. В крепости были приняты все меры для отражения штурма. Рыцари и воины находились в засадах за укреплениями в единственной позиции, которую уже давно могли сохранять, то есть лежа или стоя на коленях. Один только часовой наблюдал за неприятелем. Через каждые три солдата находился рыцарь и между двумя копьеносцами один аркебузер. Кучи камней, копий, копий, гранат, мечей, кругов из смоляной пеньки были расположены в порядке и изобилии, бочки с водой, поставленные близ сражающихся, должны были восстанавливать силы их. Даже раненым были назначены опасные поручения: они должны были приносить съестные и воинские припасы и уносить убитых...

...Пушечный выстрел и водружение большого мусульманского знамени были сигналом к штурму. После совершенного безмолвия раздался вдруг страшный шум, турки приходят в движение, бросаются на брешь и до небес посылают крики “Аллах, Аллах”, заглушаемые стуком оружия, мечей и столами раненых. Первые, идущие на приступ, – те страшные воины, одетые в тигровые шкуры, с лицами, расписанными самым страшным образом. Все оружие их – щит и меч. Ничто не останавливает их: ни великость опасности, ни страх смерти, ни отчаянная храбрость христиан – и все падают в проломе» (Архенгольц. С. 265). Отметим, что в лучших мусульманских традициях эти воины шли на приступ, предварительно подкрепившись гашишем, что не было принято в европейских армиях, так же как и у защитников Мальты.

Еще накануне решительной атаки Драгут сам провел рекогносцировку позиций противника и сделал свои выводы, суть которых заключалась в следующем. Размеры укрепления форта были невелики, что упрощало ведение осады. Более или менее был укреплен бастионами с равелином в виде полумесяца лишь участок форта, обращенный к суше, в самом центре полуострова Шибerras. Здесь-то и намечалось провести главные боевые действия, поскольку, во-первых, только в этом месте осадный корпус мог сосредоточить свои главные силы и ударную огневую мощь артиллерии, и, во-вторых, этот северный участок представлял по отношению к остальному форту господствующую высоту, и, таким обра-

зом, овладение этой ключевой позицией имело решающее значение. Чтобы помешать осажденным очищать рвы, Драгут поставил еще три дополнительные батареи, поражавшие их с флангов, помимо той, что обстреливала внутренние сооружения форта. Казалось, такая огневая мощь могла за несколько дней полностью сокрушить оборону Святого Эльма.

Засевших на равелине турецкие аркебузиры своим огнем позволили разведчикам мусульман установить результаты обстрела у стен форта. Хотя разведка показала, что ущерб от артобстрела не достиг цели, зато разведчики обнаружили низко расположенную бойницу, позволявшую проникнуть внутрь форта, которой мусульмане и воспользовались уже на рассвете следующего дня. Обороняющиеся проспали появление противника, задержав его обстрелом из аркебуз уже во внутренних помещениях, которые быстро перешла в рукопашную схватку, временами больше напоминавшую свалку.

Одновременно происходил штурм внешних стен форта, описанный историком в следующих выражениях: «Такому яростному нападению осажденные противопоставили самый энергичный отпор. Камни, кипящая смола, горящие круги пеньки, смоченной в смоле, осыпают нападающих, отбрасывают их с верха стен, заключают их в огненный круг, покрывают их страшными ожогами, зажигают их одежду и, наконец, заставляют отступить. Битва началась на рассвете и кончилась только в час пополудни. Две тысячи турок были убиты и ранены, только двадцать мальтийских рыцарей и шестьдесят солдат заплатили своей кровью за честь этого дня». Тем не менее равелин остался в руках нападавших, чем они и не замедлили воспользоваться. Последствия этого захвата описаны так: «Отбитые с уроном, неверные принялись опять за свои земляные работы. Они подняли выше равелин посредством земли, тюков шерсти и фашии и, несмотря на огонь из последних оставшихся у защитников форта орудий, успели подняться выше стен, которые продолжала громить турецкая артиллерия. С этой минуты положение христиан сделалось пагубным. Две пушки, поставленные турками на равелине, сбили их последние орудия, стрелки стреляли во внутренность форта и делали невозможным почти всякое сообщение... Укрепившись в приобретенной позиции, турки снова принялись за работу во рвах и занялись наполнением их камнями и фашинами. Они также перебросили мост с контр-эскарпа на эскарп (т. е. с равелина на стены форта. – В. К.). Осажденным удалось несколько раз ночными вылазками и горючими веществами сжечь мост и фашины, но турки... остались обладателями рвов. Особенно привязались они к западному фасаду, обращенному к заливу Мирса-Мушиет (Гранд-Харбор современных карт). Пробивая скалу, они высекли в ней лестницы, сооружали на мосту новые леса, разрушили часть парапета и беспрерывно расширяли брешь, через которую надеялись проникнуть в форт. Однако христиане, свидетели столь страшного упорства, не унывали. Они ели, спали и стерегли поочередно свои посты, подавляемые тяжестью вооружения и ужасной жарой. Никто не был без ран, лица всех были обожжены, руки изъязвлены, большая часть хромала или носила руку на перевязи, и мостовая форта была усеяна кусками мяса и оторванными членами. Сам бальи Эгарас, командовавший обороной, жестоко страдал от раны в ноге, но он отказался оставить форт и на увещания гроссмейстера отвечал, что, будучи стар, никогда уже не найдет случая закончить жизнь со славой» (Архенгольц. С. 263–264). Однако всем было ясно, что силы защитников Святого Эльма приближались к опасному пределу.

В очередном сообщении гроссмейстеру де Валетту защитники форта так описали свое положение: «Враги готовы ворваться в крепость. Бреша обширна, все оборонительные сооружения разбиты, кавальер разрушен, а равелин, находясь в руках неверных, превратился в источник гибели христиан. Форт, возможно, продержится еще несколько дней, но с огромными ежедневными потерями, когда противник истребляет нас на расстоянии без риска для себя. Мы готовы держаться до последнего во славу ордена и веры, если вы найдете это необходимым». В сложившейся обстановке де Валетт потребовал от последних защитников форта Святого Эльма невозможного, заведомо обрекая их на гибель, поскольку

пощады им ждать не приходилось: «Знаю, что форт не может держаться, но для спасения всего ордена необходимо, чтобы вы защищали его до последней крайности, даже если вам предстоит погибнуть под его развалинами. Днем позже или раньше – от этого зависит спасение или гибель Мальты. Напоминаю, что в силу вашего обета ваша жизнь ничто, если вы не можете пожертвовать ею во имя веры. Постараюсь доставить вам подкрепление и припасы и сам явлюсь, если исчезнет надежда, чтобы погибнуть с вами». Последним защитникам Святого Эльма предстояло с честью сложить свои головы в неравной схватке, несмотря на все приятные меры. После потери рavelина оборону форта возглавил профессиональный солдат Меринда, утверждавший, что «главное для солдата – деньги». Соответственно, он разрешил своим воинам играть на жалованье и даже увеличил винную порцию. Тем не менее в гарнизоне форта не всем была понятна позиция де Валетта, несмотря на воинскую дисциплину, свойственную ордену, что могло в конечном итоге привести к мятежу. Де Валетту в этой обстановке пришлось еще раз провести смену командования форта, поставив во главе его обороны Мельхиора де Монсеррата. При этой замене прежний командующий Миранда вел себя по-солдатски, посоветовав гарнизону «продать свою жизнь варварам подороже».

Канун решающего штурма в лагере мусульман был объявлен днем отдыха, молитв и наставлений воинов имамами и муфтиями – во все времена идущие на смерть подвергались интенсивной идеологической обработке.

Появление мусульманского флота в заливе Мерсамексет 16 июня подняло настроение в войсках, изготовившихся к штурму. Тем временем штурмовая колонна с многочисленными лестницами по рвам подобралась вплотную к стенам форта в ожидании сигнала к атаке, а турецкие стрелки-аркебузеры заняли позиции в траншеях контр-эскарпа в готовности открыть огонь по защитникам форта, как только те появятся на стенах по сигналу атаки, чтобы обрушить на головы атакующих камни, кипящую смолу и пропитанные смолой круги из пеньки, особенно эффективные против скоплений противника. В поредевшей цепи обороняющихся через два солдата занимал свою позицию орденский рыцарь, а между двумя копейщиками находился воин, вооруженный аркебузой. К обороне привлекались даже раненые – по мере возможности им поручалась доставка на стены всего необходимого и эвакуация тел павших. Тягостная тишина наконец была прервана орудийным выстрелом с мусульманских позиций, за которым последовал топот бегущих, звон оружия, вопли раненых и боевой клич «Аллах акбар!»... Очередной штурм начался, чтобы спустя несколько часов заглухнуть под интенсивным огнем единственной пушки форта (помимо огня стрелков, не жалевших зарядов), а главным образом из-за артиллерийского обстрела из замка Святого Ангела, вносившего опустошение в ряды атакующих на правом фланге. Тогда при личном участии Драгута и Мустафы-паши усилия атакующих были перенесены на левый фланг (недоступный обстрелу с другого берега Гранд-Харборе), но и там атака также постепенно выдохлась. Потери атакующих многократно превышали потери осажденных, которых помимо коренных мальтийцев осталось в живых всего сто пятьдесят солдат и тридцать рыцарей. Этим воинам выручки ждать уже не приходилось.

Глава 5. Когда оставшиеся в живых позавидовали участи павших

Осаждающие и осажденные приводили себя в порядок с установкой новых батарей на наиболее возвышенной части полуострова Шибerras, началась контрбатарейная борьба с артиллеристами христиан из замка Святого Ангела, от которых также страдали турецкие траншеи-апроши у восточных стен форта Святого Эльма. Чтобы убедиться в этом после очередного совета мусульманских военачальников, командиры турок 18 июня отправились на рекогносцировку. Появление группы турецких военных в чересчур ярких одеждах привлекло внимание артиллеристов в замке Святого Ангела, и метко пущенное ядро ударило поблизости, осколками камня нанеся ранение наиболее важным персонам, из которых самым важным оказался сам Драгут. Правда, по другим сведениям, ядро было выпущено из турецкой пушки, но тем не менее последствия оказались вполне конкретными: Драгут получил тяжелое ранение головы осколками камня, причем от мгновенной смерти на месте его спас большой туго завязанный тюрбан. Мустафа-паша, скрывая потерю от окружающих, накрыл раненого собственным плащом, чтобы затем переправить его в лагерь. Это была очередная и не последняя из неудач, на общем, казалось бы, благоприятном фоне развития событий для мусульман. Не приходя большей частью в сознание, Драгут дожил до 23 июня – дня, когда пал форт Святого Эльма.

Вероятно, со смертью Драгута осада Мальты и закончилась бы, но неожиданное прибытие еще 16 июня короля алжирских пиратов Гассан-паши, сына Хайдреддина, заставило осаждающих продолжить свои попытки по захвату «змеиного гнезда» христиан, к чему у них были по крайней мере две причины: первая – они уже не испытывали явного давления любимца султана Драгута, вторая – в случае удачи слава победителей и весь почет со стороны «тени Аллаха на земле» достался бы им полной мерой. Наконец, действовало и третье соображение: казалось, после многих потерь и затрат сил и боезапаса полуразрушенный форт Святого Эльма с немногими оставшимися защитниками вот-вот должен был оказаться в их руках, словно перезревший плод.

Последние дни обороны форта, по свидетельству немногих оставшихся в живых, проходили следующим образом. Максимально приблизив осадные позиции к стенам форта, мусульмане защитили их от огня артиллерии замка Святого Ангела искусственными валами из камня и земли. 21 июня последовал новый приступ: «Везде оттоманы встречают яростное сопротивление... Едва появляются они в бреши, как на месте разрушенных укреплений восстает живая стена, которая приходит в движение, бросается на них, опрокидывает обратно в ров, осыпает железом, свинцом, огнем и теми страшными смоляными кругами, которые, обхватывая сразу пять или шесть человек, покрывают огнем одежду, руки, лицо и принуждают устремляться к морю, чтобы в нем погасить пожирающее их пламя. Но по телам отраженных и убитых беспрестанно подходят новые враги, между тем как защитники, не отходя от бреши, умирают от изнеможения и ран... Жар полудня и сознание неудачи заставили наконец турок упасть духом и прекратить штурм. Самые ужасные потери заплатили за славу христиане, двести человек было убито, а прочие почти все ранены. Полковники Мас и Миранда были ранены так опасно, что сначала их сочли убитыми, но они, почерпая в великости опасности новую силу, после первой перевязки приказали отнести себя назад на стены, чтобы умереть там. Бальи Эгарас, старый, дряхлый, покрытый ранами, сохранял еще твердость героической души, увещевал своих соратников умереть со славой, указывая им на тела, покрывающие землю, которые уже не оставалось сил похоронить... Осажденные потеряли всю надежду и, видя приближение последнего часа, решаясь пасть с оружием в

руках, причастились, обнялись на прощанье и возвратились на свои посты, где могли едва укрываться от выстрелов» (Архенгольц. С. 267–268).

В замке Святого Ангела командиры христиан понимали, что дело идет к развязке. Тогда де Валетт кинул клич добровольцам, готовым отправиться в форт Святого Эльма во главе с Ромегасом. Таких набралось на пять кораблей, но турецкая артиллерия не позволила этому пополнению прийти к своим товарищам на помощь – участь этого укрепления определилась однозначно на самое ближайшее время.

«На рассвете 23 июня турки, уверенные, что в форте осталось лишь немного людей, способных держать оружие, подошли для решительного боя. Они полагали войти без сопротивления – их ожидал яростный бой. Осажденные, убедившись, что выбора им нет, дорого продают свою жизнь, с презрением к опасности, увеличившим их последние силы. В продолжении четырех часов они оспаривают у турок залитые кровью развалины. Истощив весь запас пороха, они ищут оставшиеся заряды на мертвецах. На стенах оставались едва 60 человек, копьё и меч остаются их единственным оружием. Они держатся так гордо, решимость их так тверда, что турки, боясь слишком большой потери, прекращают приступ и отступают еще раз... Около часа пополудни приступ возобновился. Последние защитники Сент-Эльма сражались уже без надежды остаться в живых или победить.

Теперь мусульмане действовали предельно осторожно, и даже когда боезапас последних защитников Святого Эльма был исчерпан, стрелки мусульман предпочитали с безопасного расстояния расстреливать их из аркебуз. Предвидя неизбежный исход штурма, капитан Ланфредуччи с восточной стены форта дымом костра подал даже не условный, а скорее прощальный знак своим соратникам на западном берегу Гранд-Харбора, где теперь располагались основные силы ордена. Практически одновременно турки и пираты бросились в развалины форта Святого Эльма, чтобы схватиться с его последними защитниками врукопашную. Навстречу им из-за груд трупов поднимались окровавленные и истощенные шатающиеся фигуры, в изорванной и обгоревшей одежде, едва способные держать оружие. Шестьсот трупов на укреплениях и внутри форта свидетельствовали о тех, кто пал со славой. Бальи Эгарас, в последней схватке орудовал алебардой, внушая страх туркам до последнего мгновения жизни. Полковник Мас со сломанной ногой приказал отнести себя на стену и, действуя двуручным мечом, отбивался до последнего мгновения. При виде такого сопротивления Мустафа-паша расщедрился на четыре золотые монеты за каждого живого рыцаря. Уцелевшие погибли в невыразимых муках. Сохранили только девятых, которых приковали к гребным скамьям на галере паши. Пять мальтийских солдат спрятались между скалами, ночью бросились в воду и благополучно приплыли в замок Святого Ангела.

За три недели осады форта Святого Эльма погибло 1200 христиан, потери турок простирались до 4000 человек с лишком, они истратили более восемнадцати тысяч пушечных зарядов из имевшихся восьмидесяти тысяч, гораздо больше, чем могли себе позволить. Над павшим фортом Святого Эльма воцарилась мертвая тишина, словно время остановилось в своем беге при виде того, что творили люди.

Немногочисленным уцелевшим в последнем штурме предстояло в полном смысле позавидовать участи мертвых, когда свой успех победители обесчестили самыми гнусными и бесчеловечными пытками: «Одних убивали тупыми стрелами, другим, повешенным за ноги, распарывали живот, вырывали внутренности и отрубали руки. Даже мертвые не были пощажены: им отрубали головы, а на трупах делали на спине широкие разрезы в виде креста, а потом со скрещенными руками привязывали их к шестам и бросали их в море в расчете, что волнение отнесет к побережью города эти грозные свидетельства страшной мести» (Архенгольц. С. 269).

После описанного де Валетту не приходилось уговаривать своих подчиненных на сопротивление врагу. Чтобы не оставаться в долгу, Великий магистр приказал отрубить

головы пленным мусульманам и, зарядив ими пушки, салютовать погибшему гарнизону форта Святого Эльма. Как отметил летописец, при известии о падении этого форта Драгут, в течение нескольких дней находившийся в забвении, на минуту оживился, услышав о падении форта, высказал подобие радости и, по словам летописи, «отведал щербет мученичества и покинул тщеславный мир». Самый прозорливый из руководителей осады знал, что сопротивление форта Святого Эльма из-за колоссальных потерь в людях и вооружении положило конец надеждам на овладение Мальтой. Однако если потери в людях при осаде форта были сопоставимыми (четыре тысячи у осаждавших и тысяча двести в гарнизоне форта), то расход боеприпасов делал перспективы штурма на восточном побережье современного Гранд-Харбора главных твердынь христиан на полуостровах Биргу и Сангли весьма сомнительными, тем более что базы снабжения христиан располагались поблизости – на Сицилии.

Реакция европейских столиц на падение форта Святого Эльма на далекой Мальте едва не повергла в ужас христианский Запад. Получив это известие, папа Пий IV повел себя так, как если бы мусульманское войско стояло у ворот Рима, приказав докладывать новости с Мальты и Сицилии в любое время суток, независимо от дня и ночи. Решив, что этого мало, папа всенародно поклялся в том, что не намерен покидать Рим в любой ситуации. Разумеется, трагедия Святого Эльма стала поводом для де Валетта, чтобы срочно запросить у дона Гарсии помощь в десять тысяч солдат, гарантируя смести мусульман с берегов Мальты, поскольку большинство из них – «мусор и неопытная солдатня». Даже если предводитель обороны Мальты ошибался в своем определении, у него были все основания умолять о помощи.

Однако он не знал о распоряжении Филиппа II беречь ограниченные морские силы дона Гарсии, поскольку, по его королевскому мнению, потеря флота была страшнее потери Мальты. Именно это и связало руки дону Гарсии, лишив его свободы действий, хотя к началу августа он накопил достаточно кораблей, экипажей и солдат, чтобы пойти навстречу де Валетту, но... Правда, дон Гарсия переправил на Мальту пополнение из семисот воинов, которые через Медину 3 июля вошли в Биргу, которой предстояли сложные испытания, возможно, тем самым решив ее судьбу. Неудивительно, что народ приветствовал появление подкрепления звоном колоколов и радостными кликами, вызвав в лагере осаждающих недоумение. К несчастью для христиан, один из рыцарей на пути из Медины в Биргу вместе со свитой оказался в плену. Попытки развязали пленным язык, что, однако, не пошло воинам Аллаха на пользу.

Действовал против них и еще один существенный фактор, когда осадная армия Мустафы предъявила свои серьезные претензии флоту Пиали, что привело к росту взаимного дальнейшего недоверия в рядах мусульманского воинства. На этом фоне в Биргу вскоре от очередного перебежчика-ренегата, грека по национальности, Филиппа Ласкариса стало известно о намерении осаждающих перебросить посуху часть своего маломерного флота, используя катки и доски, смазанные жиром на перешейке полуострова Шибerras, плавсредства, освободившиеся после взятия форта Святого Эльма из Гранд-Харбора. Это была неприятная новость, но де Валлетт руководствовался известной мудростью: предупрежден, значит вооружен, причем весьма успешно.

Глава 6. Непрístupная Мальта

После потерь, понесенных при штурме форта Святого Эльма, осаждающим потребовалось немало времени, чтобы привести свое потрепанное войско в порядок. Неудивительно, что между 3 и 7 июля главные военные события переместились на берега Гранд-Харбора, и связаны с усиленными (и напрасными) попытками мусульман овладеть системой обороны ордена на полуостровах восточного побережья с замками Святого Ангела (на полуострове Биргу) и Святого Михаила (на полуострове Сенгли). Разделявший их залив, шириной до 300 метров, обороняющиеся заперли цепью, частично установленной на буйах, чтобы преградить вторжение в залив судам мусульман, одновременно соединив полуострова ближе к куту¹ залива наплавным мостом, получив, таким образом, возможность маневра своими ограниченными силами. С суши подходы к этим укреплениям защищала еще одна линия обороны в виде стен и валов из камней, в совокупности образующих вместе с замками побережья укрепленный узел под названием Бормола, по размерам значительно превосходящий форт Святого Эльма.

Разумеется, информация перебежчика – грека Филиппа Ласкариса, еще ребенком оказавшегося в турецком плену, усложнила оценку складывающейся ситуации для де Валлетта, тем более что объяснение причин такого поступка (якобы неким велением сердца под воздействием Святого Духа) предводитель, немало повидавший на своем веку, едва ли принял за чистую монету. Важнее оказалось, что информация Ласкариса стала подтверждаться в самые ближайшие дни, начиная с 6 июля, когда наблюдатели с передовых позиций сообщили де Валетту о появлении в куту Гранд-Харбора шести крупных шлюпок мусульман. Затем их количество стало возрастать с пугающей быстротой, достигнув к середине месяца восьмидесяти. Тем самым сведения Ласкариса подтверждались: действительно турки собирались доставить в Гранд-Харбор свои плавсредства не с устья этого залива, а перетащить посуху в самом узком месте полуострова Шибerras, используя катки и доски, смазанные жиром, а в качестве тягловой силы – собственных солдат, а также, разумеется, пленных, и даже трофейных быков. Эту работу можно было наблюдать невооруженным глазом с берегов Биргу и Сангли, как днем, так и ночью, по обилию костров, при этом количество этих плавсредств в куту Гранд-Харбора, оккупированного турками, увеличивалось с каждым днем, чему надо было помешать любым путем, размышлял де Валетт.

Во-первых, он активно использовал наплавной мост между Биргу и Сангли, что позволяло ему маневрировать собственными ограниченными силами, и, во-вторых, на юге у берегов Сангли были оборудованы подводные препятствия, которые существенно мешали шлюпкам вражеского десанта добраться до берега. Между тем подкрепления получали не только осажденные, но и осаждающие еще в середине июня с эскадрой из 28 пиратских кораблей правителя Алжира Гассан-паши, сына Хайреддина Барбароссы, «цвет храбрецов между пиратами», по утверждению летописца, величавшими себя непобедимыми, пополнили силы Пиали-паши и Мустафы-паши. Тогда на развалинах Сент-Эльма Гассан-паша заметил, что со своими пиратами уложился бы в гораздо более короткие сроки... В свою очередь Мустафа-паша со своим опытом боев за этот форт Святого Эльма пообещал направить его в самое в самое пекло завершающих боев на Мальте, скорее всего, со скрытым злорадством, предоставив ему (если пользоваться русской поговоркой) честь получить шкуру убитого медведя. Тем более, что защитники Биргу и Сангли, только что пережившие трагедию гарнизона форта Святого Эльма, не собирались сдаваться. По всем описанным причинам подготовка к последнему сражению за Мальту заняла у осаждающих почти три недели,

¹ Кут – тупик, вершина или конец.

причем по предложению Гассан-Паши главный удар наносился по полуострову Сенгли с моря силами обоих уже известных читателю пашей, и с суши алжирцами. Осажденные также не теряли времени даром: по свидетельству очевидцев, «тридцать тысяч гранат, смоляные круги, столь гибельные при штурмах, камни, мечи, пики были расположены на всех валах и пунктах атаки... Рыцари и солдаты спали в полном вооружении на стенах, готовые каждую минуту к битве» (Архенгольц. С. 271).

15 июля защитники Мальты стали свидетелями грандиозного и одновременно страшного зрелища – по сигналу пушки мусульманский флот из залива Мерсамексет, обогнув с севера полуостров Шибerras с разрушенным фортом Святого Эльма, перешел в воды залива Гранд-Харбора и направился к замку Святого Михаила, приступив ночью к осаде Биргу уже силами не только десанта с моря, но и сухопутных войск, для чего солдатам Мустафы-паши пришлось с орудиями и военными припасами обходить с юга массив Шибerras, чтобы выйти на подступы к укреплениям Бормолы с востока.

На море командовать этой армадой Гассан-паша поручил своему ближайшему помощнику, очередному ренегату, принявшему в мусульманстве имя Улуч-Али (оказавшегося на Мальте вместе с Драгутом), с которым читателю предстоит познакомиться на страницах нашей книги немного позже более детально. Таким образом, заключительная стадия осады цитадели ордена заключалась в том, чтобы зажать ее в клещи, как с моря (кораблями Улуч-Али), так и с суши (солдатами и десантниками Мустафы-паши). Определенно постепенное развитие событий уже в ближайшие дни должно было приобрести характер кульминации в виде кровавого столкновения сторон, прошедших в своем противостоянии далеко за точку возврата.

Очевидцы оставили колоритное описание начала боевых действий на новом направлении с 15 июля 1565 года. На палубе передового корабля выстроилась своеобразная духовная гвардия магометан, поражавшая обороняющихся своим внешним видом: «Наряд их был странен: большие зеленые шляпы закрывали их головы, в руках держали они книги, на которых читали магические заклинания против осажденных», то есть суры Корана, призванные вдохновлять атакующих. Однако, судя по складывающейся обстановке, такой прием не слишком помог правоверным, хотя в целом ряде мест им удалось высадиться на берег, что называется, зацепившись за него в узкой полосе, несмотря на артиллерийский обстрел из замка Святого Ангела и Бормолы, что было отмечено троекратным кличем «Аллах акбар!». В некоторых местах атака мусульман оказалась столь стремительной, что артиллеристы христиан просто не успели выстрелить ни разу по наступающим. При этом дурную услугу воинам Аллаха оказал приказ Мустафы-паши вести непрерывный огонь без чистки орудий, что привело при разрыве орудия к взрыву склада боеприпасов и гибели нескольких десятков турецких солдат, что в целом не изменило ситуации ни для одной из сторон. Это были достаточно типичные и вместе с тем случайные события накануне приближения кульминации, в ожидании которой с трепетом затаились солдаты и моряки как на мусульманской, так и на христианской стороне.

Несомненно, меры, принятые де Валеттом по сооружению подводных препятствий в виде цепей на опорах, мешавшие перегруженным и глубоко осевшим шлюпкам подойти к берегу, оправдали себя. Магометане сделали попытку устранить их вручную, что позволяло мелководье, но де Валетт бросил против них своих великолепных пловцов-мальтийцев, сцепившихся врукопашную с противником на мелководье. Пока десантники магометан буквально барахтались у неглубокого берега, пытаясь избавиться от остановивших их препятствий, артиллерийский огонь, как и обстрел из аркебуз, продолжался, и практически ни одну из поставленных задач мусульмане так и не решили, хотя кульминация сражения была впереди. «Тогда начались для турок самые страшные потери: ничто не закрывало их от огня замка, и несколько выстрелов картечью потопили множество судов и внесли смерть в сжатые

толпы неверных. Однако, несмотря ни на опасность, ни на смерть, поражавшую их со всех сторон, оттоманы продвигались вперед и с такой силой бросились на угловое укрепление, что казалось, будто они непременно овладеют им. Французский рыцарь, защищавший его, был убит (им оказался сын дона Гарсии, оставленный де Валлетту в качестве своеобразного живого залога. – В. К.). Смерть его придала осаждающим новую бодрость, и они были готовы овладеть парапетом, когда залп артиллерии, направленный рыцарем де-Боралем, поразил половину наступающих и посеял ужас между остальными» (Архенгольц. С. 271).

На самом деле при попытке шлюпок с отборным десантом (по сто янычар в каждой из них) обойти полуостров Сенгли с севера они буквально напоролась на замаскированную батарею рыцаря де Боралю, подпустившую их примерно на двести метров и открывшую огонь, что называется, в упор. В результате девять шлюпок сразу были потоплены, и только одна успела юркнуть назад, прикрывшись оконечностью полуострова Сенгли. Это и означало кульминацию сражения, поскольку, не получив поддержки, высадившиеся десантники ударились в панику и бросились к берегу, в надежде на поддержку флота. Однако командующий им Пиали старался максимально сберечь свои суда, а Мустафа – свою живую силу, что толкало этих командиров нередко на противоречивые действия. В свою очередь Улуч-Али, в попытке разобрать путаные сигналы того и другого и уяснить, кого он должен слушаться, еще более запутывал обстановку, наблюдая, как переполненные паникующими войсками плавсредства одно за другим переворачивались и шли на дно. Тем временем на берегу началось настоящее избиение магометан, в котором защитники Мальты, что называется, отвели душу. Сильный артиллерийский огонь заставил мусульман буквально метаться на своем гибельном плацдарме в попытках найти слабое место в обороне мальтийцев. Неразбериха у мусульман еще более усилилась, когда прошел слух, что воинам Гассан-паши удалось через пролом ворваться в пределы Биргу, впоследствии опровергнутый. Улуч-Али пытался внести порядок в свое воинство, над которым он все больше терял контроль, в то время как артиллерия замка Святого Ангела истребляла мусульман в огромном количестве, что отмечено в описании хрониста: «Немногие барки, остававшиеся на берегу, быстро наполнились, иные остались на мели, а другие опрокидывались и тонули под тяжестью беглецов. Обезумевшие турки то бежали, то возвращались к форту, оставаясь под выстрелами пушек, поражавших их целыми рядами. Один французский рыцарь, заметив этот беспорядок, взяв с собой горстку храбрых, вышел из форта со шпагой в руке и бросился в гущу беглецов. Ему едва сопротивлялись: турки, завидев его, бегут, бросаются в море, в котором находят верную гибель. Другие падают на колени и просят пощады, только немногие падают, сражаясь. Христиане убивают всех без милосердия, восклицая при каждой новой жертве: “Это вам за Сент-Эльм!” Ужасно было зрелище моря, окрашенного кровью, покрытого оружием, знаменами, чалмами, людьми, боровшимися со смертью и умирающими, цепляющимися за опрокинутые барки. Мустафа-паша послал шлюпки на помощь несчастным: они спасли только немногих, которые еще плавали или поддерживались на воде своими широкими одеждами. Несмотря на множество жертв, христиане взяли в плен только двух человек, отличавшихся богатством своего наряда. Можно было полагать, что они занимали значительное место в войске. Они были приведены к гротмейстеру, допрошены и отданы народу, который разорвал их на куски» (Архенгольц. С. 272). По другим сведениям, таких несчастных оказалось четверо, что в целом не меняет сути дела, когда на виду у остатков уцелевших на воде мусульман победители приступили к сбору трофеев. Среди них, например, оказались пучки нарезанных веревок, чтобы вязать пленных, а также победные реликвии, адресованные в Стамбул, помимо гашиша в качестве подкрепляющего средства. Это не считая звонкой монеты в карманах и кошельках павших, не говоря о дорогих украшениях на оружии и тому подобное. Впрочем, мародерство на поле боя не считалось грехом, и много позже, без различия

верований, выступая в качестве своеобразной материальной заинтересованности доблестных воинов.

Однако в других местах обороны Мальты события развивались не столь однозначно. Гассан-паша бросил своих алжирцев (к тайному удовлетворению Мустафы-паши) в самое пекло сражения у брешки Бормолы, где гул артиллерии и треск выстрелов аркебуз сменился лязгом холодного оружия попеременно со стонами и проклятиями на разных языках. Стойкость воинов Мальты мусульмане компенсировали натиском свежего пополнения. Неоднократно успех сражения переходил от одной стороны к другой, пока де Валетт не ввел в дело свой последний артиллерийский резерв. «Одна или две пушки, оставленные в резерве для этой решительной минуты, вдруг были выдвинуты и распространили смерть в брешки. Алжирские храбрецы падают, поражаемые тысячами ударов, и даже самые мужественные вынуждены отступить. Они бегут, но только для того, чтобы лететь на новое побоище: в другом месте тоже пробита брешь – они бросаются туда и встречаются де-Ру, французского рыцаря, мужество и опытность которого были необыкновенны. Отбитые с уроном, они ищут другой пункт, на который могли бы устремить свою ярость, – алжирский паша указывает им пост, защищаемый рыцарем Симоном де-Мело, и они бросаются на него подобно потоку. Борьба возобновляется здесь сильнее, чем где-нибудь. Неверные удваивают дерзость против хладнокровного мужества христиан. Главные средства обороны здесь гранаты, камни и особенно горящие круги. Действие последних было страшное, и большая часть непобедимых алжирских пиратов сделалась добычей огня, и, покрытые ужасными ожогами, могли считать за счастье, если им удавалось дотащиться до моря. Гассан-паша видел гибель лучших воинов своих, он довольно испытал храбрость и стойкость осажденных и потому, отказавшись от дальнейшего приступа, уступил место Мустафе-паше, который в продолжение шести часов штурмовал те же самые посты с храбрейшими янычарами своими» (Архенгольц. С. 272–273), но с тем же результатом. Этот штурм обошелся в 2500 жизней атакующим, и только в 200 солдат и сорок рыцарей – защитникам. Так приобретал свой опыт у стен Бормолы Гассан-паша, тот самый, которым был сыт по горло Мустафа-паша у стен Святого Эльма, к тайному удовольствию последнего.

Дальнейшие события на Мальте зависели от сроков прибытия помощи, ибо подобное положение не могло сохраняться слишком долго, даже несмотря на очевидное стремление турок сберечь собственные силы за счет алжирцев, поддерживая их боевой пыл перспективой добычи после взятия города. Затянувшаяся осада Мальты все больше приобретала характер войны на истощение. Тем не менее 22 июля на Сенгли и Биргу обрушился огонь 14 мусульманских батарей из 64 орудий, по определению защитников, напоминавший некое постоянное землетрясение. Гул орудий доносился до берегов Сицилии. Выяснилось еще одно тактическое препятствие для турок – они не могли реализовать свой перевес в огневой мощи и в людях, поскольку фронт противостояния в Биргу имел в ширину всего километр, и, таким образом, буквально ни один заряд ее защитников не миновал цели в плотных построениях мусульман, тогда как христиане, мало того, что оставались укрытыми среди развалин города, они имели еще и другие средства маскировки. Неудачной для воинов пророка оказалась и попытка подкопа, на что солдаты де Валетта ответили контрподкопом, завершившимся в их пользу.

2 августа защитники Биргу и Сенгли были поначалу озадачены новинкой, примененной врагом. При интенсивном обстреле с полуострова Шибerras и с вражеских галер оказалось, что у противника, при наличии пороха, не осталось ядер – артиллерия мусульман использовалась уже как орудие не физического, а только морального давления. Неудивительно, что события очередного штурма 7 августа завершились совсем не так, как его планировали теперь все три паши: Гассан, Пиали и Мустафа.

Накануне очередной перебежчик, испанец Франческо де Агульяр, своим рассказом вдохновил перечисленных пашей на очередную попытку штурма. Не ведая об этом, исходя из сложившейся обстановки, рыцари на военном совете предложили своему предводителю с архивом и казной ордена перебраться в Замок Св. Ангела, что было отвергнуто старым воякой. «Непоколебимое мужество, удивительная плодовитость ума и знание военного дела скоро открыли ему решение задачи. Прогнав неприятеля, он с неимоверной быстротой соорудил новый вал на развалинах старого и, таким образом, закрыл брешь, которую турки считали вратами к победе» (Архенгольц. С. 275).

События 7 августа описаны солдатом Бильбо ди Караджио в таких выражениях: «Генеральный штурм, восемь тысяч атакующих у замка Святого Михаила, четыре тысячи у кастильского форта... Когда они покинули траншеи, мы были уже на своих местах. Когда они полезли на стены, их встретили как дорогих гостей. Штурм продолжался девять часов, от рассвета до послеобеденного времени. Больше двенадцати раз турки получали подкрепление, мы же подкреплялись лишь разбавленным вином и хлебом. Победа снова была за нами, хотя никто не мог уже стоять на ногах из-за ран и усталости».

После того как алжирец Гассан-паша потерпел неудачу, оба турецких паши разделили между собой направления атак: усилия Мустафы теперь направлялись против полуострова Санглия, а Пиали – непосредственно на город с замком Святого Ангела. Однако Мустафа, помня об уроках Святого Эльма, в своих усилиях не проявил должного напора и вскоре был отбит. Зато Пиали-паша, дождавшись, когда внимание осажденных было приковано к полуострову Сангли, ворвался в одну из брешей, водрузив на ней зеленое знамя, чем поверг жителей города в состояние ужаса. Де Валетт принял непосредственное участие в бою, заклиная рыцарей и солдат не поддаваться страху и сомнениям. «Чем бы ни кончился бой, этот день за нами!» – уверял он своих воинов. Только его прямое вмешательство на этот раз спасло положение. Всё тот же источник, однако, отмечает и героизм рядовых мальтийцев: «Народ мальтийский, женщины, дети, воодушевленные примером гроссмейстера, поражали врагов тучами камней... Бились на кучах мертвых и умирающих, потому что с обеих сторон не имели ни времени, ни средств убирать их. Жан де Валетт появлялся на самых опасных местах, и, казалось, само провидение охраняло его среди стольких опасностей» (Архенгольц. С. 275). Однако на этот раз дело было не в некоем провидении, благоприятствующем на войне той или иной стороне, а следствием инициативы рыцаря из Медины итальянца Винченцо Анастаджи во главе отряда примерно из ста всадников, который за неделю до описываемых событий скрывался в окрестностях турецкого лагеря. То ли лихие кавалеристы сумели так замаскироваться, что противник не обнаружил их присутствия, то ли турки в своем лагере оказались беспечными сверх меры, что позднее дон Винченцо отметил в своем отчете: «Лагерь не был окружен траншеей, а турки спали, не выставя часовых». Неудивительно, что он решил, что настало его время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.